

A movie poster for the film 'Юрей теу' (Yurei Teu). The central focus is a close-up of a woman's face, looking directly at the viewer with a somber expression. Her hand is raised to her forehead. The background is dark and atmospheric, with a large, bright full moon in the upper left corner. The setting appears to be a dilapidated, possibly war-torn area, with debris and a damaged vehicle visible in the lower right. The title and director's name are written in white Cyrillic text at the bottom.

Дин Сухов
Юрей теу

Дин Сухов

Юрей теу

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2013

Сухов Д.

Юрей теу / Д. Сухов — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2013

Молодая женщина по имени Петти Чарли трагически теряет дочь, расстаётся с жестоким мужем и близкими друзьями. Она остается в полном одиночестве наедине со своими горькими разочарованиями и мрачными мыслями о смысле собственной жизни. Позади нее погасшие софиты славы, богатства и тлен нерастроченных возможностей. Впереди пугающая неопределенность и разверзнутая бездна отчаяния. В одну из ночей Петти приснился странный сон, которому суждено перевернуть всю ее последующую жизнь. Следуя зову черного незнакомца из своего сна, она пересекает страну и оказывается в небольшом городке на северо-западе штата Миннесотта. Там она снимает номер в местном мотеле и с покорностью жертвы готовится встретить роковую неизбежность. Она еще не знает, что ее ожидает впереди, но мрачные предчувствия уже сковали тревогой ее измученное сердце.

© Сухов Д., 2013

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2013

Содержание

От автора	5
Тобари дээрэ	7
Тобари ити	30
Тобари ни	36
Тобари сан	48
Тобари ен	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дин Сухов Юрей тэу

Посвящается моему старинному питерскому другу Александру Ускову.

От автора

...Женщина, одетая во все черное. Одинокая и прекрасная. Она шла по пустынному городу и глаза ее были полны печали и скрытой страсти. Вокруг нее кружились тысячи разноцветных бабочек. Подгоняемые ветром, они напоминали осенние листья. В этом потоке живых листьев, кружился и я.

Она шла по пустынному городу, грациозно ступая по застывшему асфальтовому морю, и я думал, что это самое прекрасное, что я когда-либо видел в своей жизни. Я прикасался крыльями к ее шелковистым темно-русые волосам и чувствовал, как сквозь мое тонкое невесомое тело проходит электрический разряд.

Я смотрел в ее серые огромные глаза и видел, как в них сияет ее душа: чистая и свободная, словно небесный ангел.

Железобетонные монстры и стеклянные мавзолеи небоскребов казались на ее фоне блеклыми нереальными тенями на девственном холсте чудесного сна. И реальностью в этом сне была лишь она. Женщина, одетая во все черное. Одинокая и прекрасная. Дивная волшебница, вдохнувшая в меня вдохновение и превратившая мой нереально скучный мир в царство разноцветных бабочек, выпорхнувших из ее бессмертной души...

*«Там, где лежит мягкий покров
Из умирающих опавших лепестков
Один цветок трепещет,
Дрожа своим засохшим стебельком.
Ах, нет, ведь это бабочка
Порхает словно нежный лепесток!»*

Аракидэ Моритатэ

«Страх-это головокружение свободы».

Серен Обю Кьеркегор

«Nothing emboldens sin so much as mercy».

William Shakespeare

*«У меня осталось только одно неудовлетворенное любопытство:
смерть».*

Коко Шанель

«Мне немного страшно, но я все-таки попробую. Я чувствую мой страх-это страх перед откровением, последствия, которого я еще не могу принять без сопротивления. Но я чувствую, я должен, я должен, раз эта истина!»

Откровение хиппи перед очередным «трипом».

«Ад это место, где дурно пахнет и никто никого не любит».

Св. Мария Тереза

Не так легко со Смертью объясниться.

Она глуха, не слышит, что к чему...

Лорд Байрон

«Если вас отвергает мир, в который вас толкнули, то вы должны найти другой мир. Нельзя просто сидеть, сложив руки и ждать, пока придет кто-то другой и что-то сделает за вас. Всякое внешнее движение бесполезно, пока в нем не участвуют люди, внутренне не пережившие».

Дао Дэ Дзин для поколения X.

Тобари дээрo

Серая гадюка блаженно растянула свое дряхлое тело через всю равнину, покрытую густым ворсом хвойных лесов и, уткнувшись закругленной мордой в ванильную небесную пастилу, мирно дремала. По ее узкой, усеянной темными морщинами спине, ориентируясь на северо-запад, бодро катился спелый желтый лимон. Внутри лимона удобно устроились две разнополюсы личинки, набитые под завязку фаршем суетных мыслей и внутренних переживаний.

Одна из личинок доживала свою жизнь, но страстно желала продолжения калейдоскопического бедлама, в коем находила некую прелесть и умиротворение. Ее радовал утренний рассвет и вечерний закат, но совсем не нравились ночи, напоминающие об одиночестве и бренности Бытия. Вторая личинка, когда-то нигде не желавшая быть под вторым номером и всегда обожавшая находиться сверху, была еще относительно молода и недурственна собой, но душа ее уже достаточно прогнила и давала течь, как старый галеон, населенный зараженными седыми крысами и призраками обезумевших от долгих странствий моряков. Ее раздражали утренние рассветы, окутывающие ее туманом опустошения и обреченности. Бесцельно блуждая в этом крошечном выдохе пред-смертья, она с нестерпимой тоской ожидала наступления ночи. Лишь ее холодные темные воды могли остудить ее непроходящую душевную боль и ненависть к бессмысленности Бытия.

Да, именно так в это утро представляла сама себя и окружающий мир Петти Чарли, считавшая себя самым несчастным существом в мире. Ее немигающие огромные глаза потерянно и отстраненно выглядывали из бодро катившегося по спине змеи лимона и в них, как в зеркалах отражались искривленные стволы древесных титанов и поросшие древним мхом громадные зубы скал. Ее попутчик, он же водитель желтого лимона «форд» был внешне хмур и неразговорчив. С тех пор, как они выехали со стоянки отеля в Сент-Поле, он не проронил ни единого слова, и казалось, был нем, но уж точно не глух. Пустоту внутри салона заполняли истеричные вопли радио, пытающегося сквозь шипящую пасть дешевого динамика воспроизвести динамичность и легкость Нью-Йоркского Smooth Jazz. Петти, никогда не страдавшая эпилептическими припадками и нетерпимостью к терпению ближних, на семидесятую минуту пути была уже готова выбраться из кокона отстраненности и спокойствия и ужалить в барабанную перепонку невозмутимого «водилу». Но возможно, ему доставляла наслаждение эта зубодробильная пытка из спутанных и чертовски пронзительных нот или, же он попросту не любил тишину, которую нужно было нарушать эпилогом ничего не значащих слов. Лишь эта мысль сдерживала все существо Петти от грандиозного дорожного скандала, и она упорно пыталась сосредоточиться на созерцании апокалипсических картинок, разложенных карточным веером в ее голове.

Она рисовала их почти год, пачкаясь в липкой красной реке и соленом дожде из слез. Нанеся последний мазок кистью отчаяния на каждую картинку, она присыпала искалеченный лист кристально-белым снегом, приносящим ей временное забвение и удовлетворение от ощущения пред-небытия. Оно всегда длилось по-разному это пред-небытие, и его нельзя было измарать грубыми отметками времени или относительностью пространства. Лишь в пред-небытие к Петти вновь возвращались давно потерянное физическое чувство счастья и насыщенности сладостью греха. Смердный саван страданий сползал с ее обольстительного гибкого стана, открывая солнцу ее непорочную молодость и чистоту. Краткие наслаждения в пред-небытие возвращали Петти краткую надежду на скорое избавление от ее гнилой липкой болезни, и она вновь начинала верить, что все еще наладиться и будет как прежде. Как прежде? А как было прежде? Хлипкие пугливые тени пред-небытия не могли открыть ей тайну как раз и навсегда вернуться в потерянный Рай. Они появлялись, подобно приливной кислотной волне и казалось, были готовы без остатка растворить в себе измотанную терзаниями душу, но это

была лишь иллюзия и вскоре тени пред-небытия уходили, пряча виноватые взгляды бесплотных бесполезных бесноватых существей.

Смахнув с глаз невидимые слезы, Петти вымученно натянула потрескавшиеся нити губ и постаралась обнаружить себя в разнузданном шквале бибопа. По всему салону уверенно и нагло ползали крючковатые ноты, порожденные легендарным «ударом сбоку» Ли Моргана. «Удар сбоку» окончательно парализовал измученное сознание Петти, но и кажется, произвел должное впечатление на молчаливого водителя-меломана. Не дожидаясь пока обнаглевшие в конец ноты, не прогрызут ему дыру в черепе, водитель желтого кэба, резким движением пальцев переключил дико верещавшее радио на новую волну. Пронзительно прокашлявшись, радио услужливо сменило радикальное настроение на нудный педагогический тон.

Вздыхнув с облегчением, Петти вскинула глаза и встретила с вполне миролюбивым взглядом разумного существа с планеты Земля, отразившимся в зеркале переднего обзора. И взгляд этих теплых светлых глаз совсем не желал ей скорой смерти от радиомании, напротив, их обладатель казалось, знал, о чем сейчас думает его печальная пассажирка. Ободрительно улыбнувшись и слегка кивнув головой Петти, водитель привычно уткнулся взглядом в узкую спину дремлющей гадюки. очередной сеанс дорожной радиотерапии продолжился, и он неожиданно благотворно повлиял на угнетенное настроение пребывающей в состоянии физической апатии и ломки Петти Чарли. Смахнув с ушей своих слушателей пыль тающих джазовых нот, невидимый радиоведущий начал пережевывать до боли избитую, но не лишённую мрачной притягательности, тему смерти. Вкрадчивым восторженным голосом старого «педераста» из Юты, он доверительно поведал подробную историю очередного вымороженного по самый гипофиз серийного маньяка, проросшего на бескрайних жирных пастбищах американской моноцивилизации:

– Итак, с вами вновь ваш покорный слуга Патрик «Hammer» Доусон и он будет несказанно рад немного омрачить свежесть этого утра новым рассказом из серии «Убийцы из предисподней». Сегодня я поведаю вам об одном из самых страшных и оригинальных маньяков Америки, который трудился на ниве душегубства не так долго по сравнению с тем же Джоном Уэнойном или же Тедом Банди, но список его кровавых деяний не менее ужасающ и впечатляющ для простого обывателя. Итак, разговор сегодня пойдет о Жаке Лурье по прозвищу Бакэмоно, прославившего своими чудовищными «подвигами» небольшой городок Бэгли, что располагается на северо-западе штата Миннесота. Помогать мне любезно согласился доктор Джейсон Уорли, некогда занимавшийся расследованием по делу Жака Лурье. Он скоро придет к нам в студию, а пока, чувствуя ваше растущее напряжение и страх в сердцах, я с непередаваемым воодушевлением начинаю свой душещипательный рассказ о самой поганой кровавой бестии, которую когда – либо видели бедные протестанты из городка Бэгли.

Итак, в начале жаркого лета 1960 года в ни чем не примечательном провинциальном тауншипе Бэгли разыгралась кошмарная драма, повергнувшая в ужас всех без исключения местных жителей. На протяжении месяца в городке стали бесследно пропадать совсем юные девочки и благообразные пожилые матроны. Пропавших было ровно тринадцать, и все они исчезли практически среди белого дня. Первой исчезла пятнадцатилетняя жительница Бэгли Вероника Мюррей и ее встревоженные родители в тот же день заявили о пропаже дочери в местный полицейский участок. Вилли Джонсон, вот уже как двадцать лет, занимавший почетный пост шерифа полиции, сразу же постарался успокоить родителей пропавшей Вероники и предположил, что исчезновение девочки возможно связано с амурными увлечениями, собственными ее столь юному возрасту. Но, отличавшиеся крайней набожностью и пуританской стойкостью родители Вероники сразу же отвергли столь свободную версию «старого бобра Вилли», так между собой прозвали местные жители слишком добродушного и нерасторопного шерифа. Вняв настойчивым просьбам строгих родителей Вероники, Вилли Джонсон вызвал

двух своих молодых помощников и велел им перевернуть городок верх дном, но разыскать пропавшую девчонку.

Бэгли был одним из тех провинциальных городков Америки, в которых никогда ничего не происходило по крайней мере последние сто лет, а если когда-то что-то и происходило, то его на этом месте попросту еще не было. И поэтому, местная полиция если и была занята каким-то делом, то в основном это были нудные разбирательства бытовых дрызг между родственниками, на которых представители полиции выполняли больше миротворческую миссию или что случалось еще реже, им приходилось искать виновников мелких краж, как правило, рано или поздно приходивших с повинной в участок.

Естественно никто из обленившихся стражей закона даже и не помышлял о чем-то более серьезном, что обычно случалось в городах с большим скоплением народа. И как не мечтал пятидесятипятiletний шериф отбыть в этом году в почетную отставку, его давно уснувшее крепким сном полицейское чутье, не уберегло его от скандальной славы и ненужных забот. Как и ожидалось, помощники шерифа так и не смогли найти ни самой Вероники, ни ее следов. Опросив хозяина мотеля и владельца заправочной станции, доблестные стражи почтили своим вниманием небольшой местный ресторанчик и, пропустив по хорошей порции Jim beam, без особого энтузиазма продолжили поиски. Они побывали в местном post office, в drug store и заглянули в универмаг Wal Mart, где договорились о встрече с двумя хорошенькими продавщицами Кетти и Лили, а после направились в сторону озера Лямонд. Охладившись в ласковых водах глубоководного озера, доблестная парочка вернулась в полицейский участок и с чувством честно выполненного долга подробно отчиталась перед распухшим от жары и пива окружным шерифом. Равнодушно выслушав отчет своих инертных подчиненных, Вилли Джонсон лично позвонил домой родителям пропавшей Вероники и еще раз наставительно попросил их не беспокоиться по поводу пропавшей дочери.

К чему, спросите вы, я довожу до вас такие мелкие подробности работы полиции округа тех лет. Все это я делаю для того, мои дорогие радиослушатели, чтобы вы могли оценить весь масштаб незащищенности простого обывателя перед лицом потенциальной опасности. Все мы привыкли надеяться в экстремальной ситуации на тех, кто должен нас беречь и охранять, а именно на представителей закона, коих мы содержим за счет личных налогов. Но как показывают давно минувшие события тех страшных дней, иногда все же предпочтительнее и самим быть начеку и всегда держать порохом сухим. Запомните, о чем я вам говорил, мои милые перепуганные радиослушатели!

Итак, продолжаю свой душещипательный рассказ. На фоне такого попустительства и расхлябанности через день в городке пропала еще одна женщина. На этот раз сам шериф был вынужден подключиться к поискам пропавшей, но, как и в первом случае, поиски ничем не увенчались. Пропавшей оказалась семидесятилетняя Сара Смит, являвшаяся самой пожилой жительницей Бэгли. Но что удивительно даже после пропажи этой одинокой старой женщины жители города не особенно обеспокоились произошедшим и продолжали заниматься своими обычными делами. А дел в то жаркое лето было немало, ведь подавляющее большинство жителей тауншипа были фермерами, и мало что могло отвлечь их от рутинного образа жизни.

С раннего утра и до позднего вечера жители Бэгли в поте лица трудились на полях, и лишь по воскресным дням собравшись семьями, они посещали местную протестантскую церковь. Там они могли обратиться с горячими просьбами к всепрощающему Богу и узнать последние пресные новости.

Но новости очередного воскресения оказались крайне тревожными и неутешительными и повергли богобоязненных мирных фермеров в настоящий шок. Оказывается, пока они увлеченно ползали по своим спеющим наделам, в Бэгли пропали уже десять лиц женского пола от пятнадцати до семидесяти лет. Из этого напрашивался страшный неутешительный вывод, что кто-то невидимый и коварный решил целиком истребить все женское сословие и без того

малочисленного городка. Этот ясный погожий день стал настоящим испытанием для стареющего шерифа, и ему пришлось выслушать немало обидных высказываний, характеризующих его как бездеятельного и некомпетентного в своей сфере представителя закона. Видя, что ситуация выходит из под контроля, «старый бобер Вилли» собрал в кулак остатки благоразумия и позвонил всеильному комиссару Saint Pole Police Department Джону Харрингтону. С давних пор они были хорошими приятелями и кому, как ни ему мог довериться заметно погрузневший и осунувшийся Вилли Джонсон.

Комиссар Харрингтон внимательно выслушал тревожный отчет своего старого товарища и пообещал на следующий же день выслать ему на помощь нескольких своих лучших людей. Но, лучшие специалисты SPPD появились в Бэгли лишь в среду, когда число исчезнувших в городке достигло уже тринадцати человек. Последней исчезла Бени Стоун, спелая вдовушка, успевшая к своим тридцати годам попробовать на вкус добрую половину набожных местных мужчин. И стоит заметить, что в Бэгли нашлось немало тех, кто с затаенным злорадством и облегчением отнеслись к трагической пропаже рыжекудрой обольстительницы. Не трудно догадаться, что это были обиженные изменами своих мужей жены. Но вернемся к приезду новых действующих лиц, целью которых было раскрытие преступления, связанного с таинственными исчезновениями жителей захолустного городишки Бэгли. И на этой ноте я хотел бы передать слово прибывшему из Массачусетса доктору Джейсону Уорли... Дайте, я пожму вашу знаменитую железную руку, уважаемый доктор.

– Доброе утро, сэр?

– Зовите меня просто Патрик, доктор, просто Патрик!

– Хм, что ж, замечательно Патрик. Так с чего же мы начнем наш разговор?

– А как вы сами изволите. Я уже успел достаточно взбудоражить воображение наших милых радиослушателей и надеюсь, они с жадным нетерпением вожделеют продолжения истории о мерзком поганце по имени Жак Лурье.

– Что ж, у меня сегодня необычайно хорошее настроение и поэтому, я готов ответить на все интересующие вас вопросы, Патрик.

– Отлично, тогда я сразу приступаю к делу, дорогой доктор. Итак, вопрос первый: когда вы впервые услышали об исчезновениях лиц женского пола в тауншипе Бэгли?

– В августе, в середине августа 1960-года. Как-то вечером после работы мне позвонил на мой домашний номер комиссар Харрингтон и попросил зайти к нему на следующее утро по очень важному делу. Звонок комиссара чрезвычайно взволновал меня. До этого он никогда лично не обращался мне, и я лишь пару раз имел дело с его помощником сэром Буковски. Я сразу же почувствовал, что вскоре мне предстоит очень важное дело и мои предчувствия не обманули меня.

– Насколько мне известно, уважаемый доктор, вы в то время только, что получили звание детектива и еще ни разу не принимали участия в серьезных расследованиях. Это так?

– Вы совершенно правы, Патрик. До того как стать детективом я три года прослужил в патрульной службе и не имел особого опыта в криминальных расследованиях. Да, я был на хорошем счету у преподавателей полицейской академии и обладал рядом нужных теоретических знаний, но то с чем мне пришлось столкнуться в то жаркое лето, стало для меня самым ценным и убедительным уроком. Практика тем и отличается от теории, что обладает особым запахом, а именно, запахом смерти.

– Да, вы правы, но давайте все же вернемся к вашему первому серьезному делу...

– Как я уже говорил, мои предчувствия меня не обманули и уже утром я убедился в этом, получив приказ комиссара возглавить специальную группу детективов для расследования странных исчезновений лиц женского пола в округе Клируотер. Для меня это назначение показалось особой честью, и я помню, с каким сияющим выражением лица выходил из кабинета комиссара. Хм, наивная юность, мечтающая о подвигах и славе... Если бы я знал, с какой

мерзотой мне предстоит вскоре столкнуться, то семь раз бы подумал, прежде чем согласиться на это назначение.

– Ну что сделано, того уже не воротишь, не правда ли, доктор Уорли?

– Это так, так... Команда из трех детективов и пяти полицейских была собрана в тот же день, но мы не смогли сразу же отправиться в округ и на то были некоторые причины, упоминать о которых сейчас нет особого смысла. В Бэгли мы прибыли лишь в среду вечером и практически сразу же организовали поиск пропавших лиц.

К слову, местный шериф на тот момент пребывал в состоянии тяжелого психологического стресса, и о плодотворном сотрудничестве с ним не могло быть и речи. Когда мы в первый раз вошли в полицейский участок, он был мертвецки пьян и на наши вопросы отвечал лишь нечленораздельным мычанием. Хвалу Иисусу, его помощники оказались более стойкими, и пока шло расследование, они не раз оказывали нам неоценимые услуги. Самое главное они знали в лицо всех жителей Бэгли, и это очень помогло нам при проведении допросов и восстановлении личностей пропавших.

– Как долго продолжалось ваше расследование, прежде чем вы напали на след преступника?

– Десять дней и бессонных ночей провели мы в Бэгли, и все это время копали, копали и копали, но так и не смогли найти ни единой ниточки, по которой бы могли выйти на разгадку исчезновения девушек и женщин. Я был молод и амбициозен и не жалел ни себя, ни вверенных под мое начало людей. Мы мало ели и еще меньше спали и почти все время проводили в бесконечных поисках и опросах свидетелей. Наши головы раскалывались от десятков запутанных комбинаций и предположений, но, ни одна из них так и не смогла приблизить нас к раскрытию дела.

Каждый день я отчитывался по телефону комиссару Харрингтону о проделанной работе и в ответ получал не только полезные советы, но и обидные замечания, касающиеся нашей медлительности и близорукости. Но кто мог сделать тогда больше, чем сделали мы?

Организовав большую группу добровольцев из местных охотников, мы проверили каждый частный дом, каждый подвал, каждый гараж. Мы подробно опросили десятки лиц и проверили биографию практически каждого жителя Бэгли. Не обнаружив улики в городе, мы прочесали окрестные поля и лес и даже убили двух взрослых медведей, выдвинув версию похищения женщин лесными хищниками. Но вскрытие медвежьих желудков и обыск медвежьих нор не приблизил нас к разгадке исчезновений. И тогда я попросил комиссара прислать нам на помощь двух опытных водолазов. Водолазы прибыли в этот же день, как я позвонил и в течение двух дней тщательно обследовали дно местного озера. Но и в озере не нашлось ни единой улики, подтверждающей гибель пропавших жителей Бэгли.

Признаться, мы невольно поддались на провокационные предположения двух старожилов о вмешательстве в это дело нечистой силы. А кто-то из молодежи предположил, что во всем виноваты небесные пришельцы, якобы замеченные однажды на окраине одного из полей. И что самое нелепое во всем этом, что именно версия «нечистой силы» и возглавила список выдвинутых нами версий на десятый день нашего расследования.

– Вот как, любопытно!

– М-да, это так. Так вот после десяти безуспешных дней поисков, мы уже почти отчаялись распутать это чертовски непростое дело, и я уже мысленно готовил безрадостный телефонный отчет для комиссара Харрингтона, как вдруг к нам в участок прибежал местный паренек по имени Ллойд и взволнованным сбивчивым голосом поведал невероятную историю, случившуюся с ним. Этот Ллойд был немного не от мира сего и набожен до такой степени, что по несколько раз на дню посещал местную церковь, где истово молился, и как ему казалось, вполне реально общался с Иисусом Христом.

– Ох уж эти блаженные фанатики!

– Вы не верите в Иисуса Христа?

– Что вы доктор, я готов поверить во что угодно, если это принесет дополнительную популярность моей радиопередаче!

– А вы забавный малый, Патрик.

– Спасибо за лестный комплимент, уважаемый доктор Уорли. Так на чем мы остановились?

– Да, так вот этот самый Ллойд поведал нам престранную историю, которую мы вначале приняли за религиозный бред провинциального дурня. По его словам, отправившись на очередную на молитву, на пороге церкви он столкнулся с невиданным существом, внешне похожим на черного ангела.

– На черного ангела?

Да, на черного ангела? Якобы этот ангел был огромного роста и мог летать. Кроме того, у него было безобразное вытянутое лицо и огромные горящие глаза. Узрев такое чудовище, истовый прихожанин Ллойд сразу же побежал к нам, надеясь получить защиту от жуткого наваждения.

– Черный ангел преследовал его?

– Нет, не преследовал. По словам паренька, неизвестное существо, не обратив на него никакого внимания, взмыло в воздух и полетело в сторону востока.

– Охрнительно, слушайте, доктор, это охрнительно! Хотел бы я собственными глазами взглянуть на этого черного ангела.

– Хм, еще успеете, дорогой Патрик, еще успеете!

– Вы так думаете, доктор?

– Для вас, наверное, не секрет, что помимо изысканий в области христианских течений, я увлекаюсь демонологией.

– И как много демонов вы уже успели вывести на чистую воду, доктор?

– Сожалею но, то, что знаю я, лучше пока не знать вам, Патрик.

– Вот как, отчего же?

– Плохо будете спать, молодой человек.

– Кстати, а как вы спите, дорогой доктор? Не мучают тяжелые воспоминания о рабочих буднях в полицейском управлении?

– Мучают, конечно, мучают, Патрик.

– И что, если не секрет, вам снится чаще всего?

– Чаще всего мне снится то, что мы увидели в Бэгли в те жаркие августовские дни.

– ...С вами все в порядке, доктор Уорли? Могу вам предложить стакан холодной воды.

– Спасибо, нет, со мной все в порядке... Без особого энтузиазма выслушав Ллойда, я и один из моих помощников полицейских все же решили проверить, что все-таки он увидел около церкви. Мы особо ни на что не надеялись и как мне помнится, даже не взяли с собой оружия. Хотя, как показали дальнейшие события, оно нам не потребовалось. Уже около церкви, меня вдруг осенило, что местный священник был единственным лицом, который еще не попал в поле нашего зрения. Как так получилось, я до сих пор не пойму? Это стало нашей промашкой, но факт остается фактом, Жак Лурье ни разу не был опрошен нами с тех пор, как мы приехали в Бэгли. Мы видели его лишь однажды и то мельком, когда он как-то проезжал мимо полицейского участка на своем стареньком велосипеде. Я тогда плохо разглядел его, но внешне он показался мне классическим приходским священником, коих десятки тысяч во всех штатах страны. Невысокого роста, худощавый, бледное вытянутое лицо, серые глаза и короткая светлая стрижка. В общем, ничего такого, что могло бы выявить в нем чудовищного серийного убийцу, я в нем тогда не заметил.

– И это было первый, и последний раз, когда вы видели его, не так ли?

– Точно, больше я никогда и нигде не видел блеклой физии этого замаскированного «святоши». А тогда, желая восполнить пробел, мы вошли в церковь, желая допросить Жака Лурье. Священник жил рядом в небольшом панельном домике, построенном для него благодарными прихожанами. Сначала мы осмотрели церковь внутри и не найдя священника, решили подождать, пока он явится к очередной службе. Но прошел час, другой, а он так и не появился. Мы уже собирались уходить, как вдруг меня осенила идея еще раз хорошенько обыскать церковь. И моя идея была решающей. В результате повторного обыска, за амвоном мы нашли вход в небольшую каморку, в которой в свою очередь находилась замаскированная под полку с церковной литературой, потайная дверь в подвал.

– Внимание, Ад начинается, дорогие радиослушатели, Ад приоткрывает свои двери!

– Вы очень точно выразились, Патрик, да это и в самом деле была дверь в преисподнюю.

... Помню, перед тем, как войти в подвал, мы немного посоветовались с помощником, вернуться ли нам за подмогой и оружием или же пойти на риск и самостоятельно обследовать найденный подвал. Голос разума подсказывал нам действовать по правилам безопасности, но моя горячая кровь и авантюрный характер моего помощника взяли верх над благоразумием и мы, вооруженные одним карманным фонариком на двоих, начали спуск в глубокую бетонную нору. Как только мы вошли в открытую дверь, то тут же оказались на узком лестничном пролете, сползающим вниз во тьму. Кроме этого, нас сразу же накрыло удушающей зловонной волной телесного разложения и испражнений. Меня, как молнией пронзило, что возможно мы почти достигли цели наших поисков! Но лучше бы мы прошли мимо этой цели и не копали то, что еще так долго потом разило смертельным зловонием и злом. Признаться, в отличие от своего бывшего помощника, который уже не в первый раз участвовал в подобных расследованиях, я немного струхнул. В общем, я растерялся и даже подумывал вернуться назад. Но мой более решительный помощник уже спускался вниз по лестнице, и делать нечего, мне лишь оставалось следовать за ним. В те страшные минуты, я едва мог совладать с собой и громко стучал зубами от страха. Но мне не стыдно вспоминать об этом. Совсем не стыдно. Мало кто из живых может похвастаться крепкими нервами, предчувствуя неотвратимое и ужасное, то, что лежит за гранью обычного человеческого восприятия. И думаю, что за внешним спокойствием и невозмутимостью моего помощника скрывались те же чувства, что не мог подавить в себе я. Чем дальше мы спускались вниз по лестнице, тем сильнее во мне росло сопротивление, двигаться навстречу неизвестности, и было лишь одно желание вернуться в участок за товарищами. Но я глубоко благодарен своему помощнику за то, что он тогда не поддался моему малодушию и не повернул назад. Если бы он сделал это, то я никогда бы не стал тем, кем меня теперь считают.

Мы еще спускались вниз, как вдруг фонарь в руке моего помощника предательски погас, и нас окутала густая тьма, пропитанная зловонными запахами смерти. Там было так жарко, жарко, словно в Аду. Липкий пот струился по нашим лицам, и нам очень не хватало чистого воздуха. По сбивчивому дыханию моего помощника, я понял, что поломка фонаря стала для него неприятным сюрпризом. И пока он бормотал проклятия и быстро часто щелкал переключателем, я с затаенным дыханием неподвижной статуей застыл за его спиной. Я чувствовал близкое присутствие зла, и от этого мне становилось все хуже с каждой минутой. Мое сердце с настойчивостью молота билось в грудную клетку, и вот-вот было готово вырваться наружу.

И именно в этот злополучный момент, когда мы, словно беспомощные щенки утопали во тьме, на нас кто-то напал. Вернее, этот кто-то напал на моего помощника. Я понял это по его дикому крику и сильному толчку, опрокинувшему меня на спину. Упав на спину, я изрядно приложился головой о бетонную ступеньку и на пару секунд потерял сознание. Когда же я пришел в себя и смог подняться на ноги, мой помощник уже верещал где-то глубоко внизу. По шуму, доносившемуся снизу, я понял, что там происходит жестокая схватка. Мой помощник отбивался изо всех сил от невидимого врага и призывал меня на помощь. И вот именно

в тот момент, что-то щелкнуло в моей голове, и былой страх на время улетучился. Видно я так здорово приложился башкой о ступеньку, что моя трусость куда-то испарилась. Не медля ни секунды, я сломя голову бросился на крики и подобно урагану обрушился на невидимого агрессора. На удачу, мои удары попали в цель. Я зацепил кулаком что-то скользкое и упругое, но и сам в ответ получил порцию ощутимых ударов. Все же моя помощь оказалась к месту и еще через минуту, мы смогли скрутить неизвестного нападавшего. Он был совершенно голым и скользким от влаги и нечистот. Пока я крепко прижимал задержанного коленом к полу, мой помощник разыскал оброненный фонарик и о, счастье, смог зажечь его. Теперь, когда у нас снова появился свет, мы смогли хорошенько рассмотреть того, кто на нас напал. Нападавшим оказался изможденный тощий старик, своей внешностью напоминающий азиата. У него была гладко выбрита голова, и на нем не было ни единой нитки одежды. Все его худое грязное тело было покрыто цветными татуировками в виде непонятных знаков и иероглифов. Также на шее старика мы заметили массивный стальной ошейник с петлей, по-видимому, служившей креплением для цепи. Когда мы сражались с ним в темноте, этот старик дрался, словно разъяренный зверь, но как только мы скрутили его, он внезапно сник и стал похож на жалкого арестанта, забытого богом и судьями. Заковав странного старика в наручники, мы попытались узнать у него кто он и как здесь оказался. В ответ этот «юморист» открыл рот, продемонстрировав нам отсутствие у него языка. Черт, он был немым, и как нам потом удалось установить, еще и глух!

Теперь, скрученный и поверженный он был для нас не опасен, и мы могли продолжить осмотр подвала. Мы находились на небольшой прямоугольной площадке, сразу за которой начинался длинный узкий коридор. По нему-то мы и пошли. Пройдя по коридору еще шагов двадцать, мы уперлись в стальную дверь и вдруг замешкались. Все время пока мы двигались по коридору, невыносимый запах гнили и миазмов нарастал с каждым метром и стоя перед этой стальной дверью, мы своим собственным обонянием чувствовали, что то, что мы ищем находится именно за этой дверью.

– Господи, мне уже самому стало страшно, доктор и как же вы поступили дальше?

– Я вспомнил Господа и мысленно обратился к нему с горячей молитвой, хотя не делал этого с тех самых пор, как покинул родительское гнездо. Но видно, то место, где мы находились, Господь ни разу не заглядывал. Иначе бы он не дал осквернить землю, отведенную под его дом.

...И вот, желая реабилитироваться перед самим собой, я зажал пальцами нос и первым дернул дверь на себя. Она была не заперта, но открывалась тяжело. Придерживая дверь ладонью, я ступил внутрь помещения, а следом за мной вошел мой помощник. То, что мы увидели после, сразу же вернуло в меня ненадолго покинувший меня страх. Яркий конус света пробился сквозь тьму и уперся в кирпичную стену, с которой неуклюже свисала гигантская уродливая конструкция, состоящая из кровоточащих обрубков человеческих тел. Это было поистине невыносимое и мерзкое зрелище, доложу я вам!

Включив болезненную фантазию можно было предположить, что вся эта гниющая мешанина, скрепленная мотками веревок и обрывками телефонных проводов, напоминала гротескную бабочку с раскинутыми по сторонам крыльями, исполненными из вырезанных кусков человеческой кожи. Похоже, неизвестный скульптор-изверг трудился не один день в этом каменном мешке, пытаясь изобразить небесного ангела, умеющего порхать по воздуху. Но почему он избрал для своей работы такой недолговечный и скоропортящийся материал, как человеческое тело? Я был в той комнате или, если выразиться точнее мастерской ужасов, всего несколько секунд, но мне вполне хватило этого, чтобы отравить свой мозг ядом страха до конца своих дней. Создавая свое безобразное адское детище, неизвестный выродок жестоко искромсал ни одно тело. И об этом наглядно свидетельствовали кучи развороченных кишок и обрезки мясных тканей и костей, щедро наваленных на полу комнаты. И по всей этой гниющей, исто-

чающей невыносимую вонь массе ползали миллионы скользких червей, празднующих торжество смерти.

Созерцание всего этого кошмара повергло меня в первобытный ужас и я, уже не в силах справиться своими эмоциями, в панике подался назад. Меня начало подташнивать еще с тех пор как мы вошли в подвал, и я уже более не мог сдерживать жестоких рвотных позывов. Сломавшись пополам, я рухнул на пол и, задыхаясь, стал опорожнять взбудораженный желудок. Пока меня выворачивало наизнанку, мой неустрашимый помощник спокойно исследовал найденную нами комнату. Он пробыл там недолго. Долго находиться там было просто нельзя. Могильный парфюм мог запросто задушить нас и поэтому нам следовало убраться отсюда. Затворив дверь со страшной находкой, мой помощник помог мне подняться на ноги и почти что силой поволок меня к выходу. Мое сознание помутилось, и я еле мог передвигать ногами. Выбравшись из зловонной кишки коридора, мой помощник толкнул меня на лестницу и переключился на нашего задержанного старика. Я с трудом преодолел лестницу и выбрался из подвала наружу. Следом за мной выполз закованный в наручники старик, а после, судорожно хватая ртом чистый воздух, вышел мой помощник... Вы не поверите, его голову, словно присыпали белым снегом. Он полностью, полностью поседел всего за несколько минут! Но зато каких минут! Эти считанные минуты показались нам часами пребывания в преисподней! А ведь я думал, что мне было намного страшнее, чем ему.

...Кстати, через месяц после окончания расследования мой бывший помощник умер от сердечного приступа.

– Вы помните, как его звали, доктор Уорли?

– Как я могу его забыть. Этого героического парня звали Стивом, да, Стивом, а фамилия его была Нортон... Мир его праху.

– Мир его праху, доктор Уорли. Вы помните, что было потом?

– Потом, потом мы вернулись в участок, где нас ожидали ничего не подозревавшие товарищи. Я позвонил комиссару Харрингтону и попросил срочно выслать в Бэгли группу криминалистов и судебно-медицинских экспертов. Помощь из Сент-Поля прибыли в тот же день и наш кошмар продолжился. Больше суток мы извлекали из подвала церкви фрагменты тел погибших. Без всякого сомнения, все убитые были лицами женского пола. На следующий день мы сложили все фрагменты тел воедино и взялись за опознание. Наверное, это было самый страшный и трагический момент в нашем нелегком расследовании. Мы приглашали по очереди родственников пропавших и на основании их показаний, устанавливали личности убитых... Мне трудно описать то состояние горя и отчаяния, охватившее тогда охватило всех без исключения жителей Бэгли. Все словно сошли с ума и, выйдя на улицы, горько рыдали и гневно требовали разыскать виновника всех этих неслыханных злодеяний. Некоторые радикально настроенные мужчины попытались силой захватить полицейский участок и собственноручно линчевать задержанного нами в подвале монастыря старика. И нам пришлось прибегнуть к жестким мерам для защиты подозреваемого. Но мы не смогли запретить жителям искать таинственно исчезнувшего из города священника. Не было равнодушных, и каждый желал жестоко отомстить ему за поруганных девушек и женщин Бэгли.

То, что виновником всех кровавых преступлений был Жак Лурье, уже никто из нас не сомневался. На следующий день, после того как из подвала были подняты все мертвые тела, мы вскрыли квартиру священника. Обстоятельства были чрезвычайные, и в этом случае мне не требовалось обязательное разрешение судьи штата на получение ордера на обыск. Мы тщательно перерыли весь дом Жака Лурье и нашли в его рабочем столе толстую черную тетрадь с дневниковыми записями. Я был первым, кому «посчастливилось» ознакомиться с его содержанием. Читая страницы дневника, я открыл для себя совершенно новые стороны непредсказуемой человеческой психики и уверовал в Князя мира сего, обитающего среди нас смертных.

– Вот как. И какие же тайны хранил преступник Жак Лурье в своем дневнике?

– Я не скажу вам много, так как до сих пор не имею на это права. Но кое-что, что в основном касается его личной биографии, я все же озвучу. Мир должен знать не только о его светлых героях, но и о тех, кто превращает его в Ад. Ведь Жак Лурье был не просто преступником, убийцей и психопатом. Он был совершенным убийцей, настоящим порождением Зла.

– Вы хотите сказать, что его отцом был сам Сатана, согрешивший с земной женщиной?

– Не совсем так. Его отцом был вполне обычный человек. Жак Лурье происходил из семьи французских евреев. Они эмигрировали из Шербура в США в 1918 году и поселились в Бруклине в Боро-Парк. Отец Жака был часовым мастером и вскоре открыл в районе небольшую часовую мастерскую. Мать Жака была белошвейкой и зарабатывала шитьем на дому. Родители Жака по вероисповеданию являлись протестантами и в местной общине считались богобоязненными порядочными людьми. Жак родился через два года, после того как его родители эмигрировали в Соединенные Штаты. Детство и отрочество мальчика были обычными и ни чем не отличались от биографий тысяч детей той эпохи. Впрочем, и сам Жак упоминал в дневнике о своем детстве не так уж много. В частности, в одной из фраз он так охарактеризовал свою жизнь в родительском доме, продолжившуюся до 17 лет: тогда я был добр и снисходителен ко всем и ко всему и поэтому глуп и беспомощен! И этот непривлекательный жалкий идол, коего мои невежественные родители называли Богом и Спасителем всех людей, отравлял мою жизнь наивной инфантильностью и пресностью Бытия.

– Да, содержательное замечание, ничего не скажешь.

– И заметьте, что писал он это в двадцатипятилетием возрасте!

– Ну и в чем загадка?

– Сейчас мы до этого обязательно дойдем. Перед второй мировой войной, Жак Лурье успешно окончил школу и поступил в нью-йоркский медицинский университет в Бронксе. В свободное от учебы время Жак работал в мастерской у своего отца и иногда заменял продавца в его новом магазине часов. Половину его учебы в университете оплачивал из своих доходов отец, другую половину покрывал сам Жак. К этому времени он уже снимал отдельно от родителей небольшую квартиру рядом с университетом и считал себя вполне самостоятельным и успешным молодым человеком.

– А он что-нибудь писал в те дни о своих девушках?

– Вот это тоже интересно... Да, он делал в своем дневнике упоминание о девушках, а точнее об одной девушке.

– Вот как, какое целомудрие?

– Не забывайте о временах, мой дорогой Патрик и о характерном воспитании этого блестящего в те времена молодого человека.

– Ах, да, да, пуританские нравы!

– Жак писал об одной девушке и с ней он дружил с самого детства. Они были соседями по дому, и их родители неплохо ладили друг с другом. Девушку звали Ариэла. Она была еврейкой, и вся ее семья до семи колен были чистокровными евреями. Они эмигрировали в начале 20 века из Хайфы и занимались торговлей в сфере медицины. Так вот Жак был по уши влюблен в Ариэлу, но вот только, в силу своей природной застенчивости, не мог признаться ей в этом.

– И как долго продолжал он хранить свою сердечную тайну?

– Достаточно долго для такого зрелого возраста. Он смог признаться ей в своих чувствах лишь однажды, когда уже шла война. Осенью 1943 года Жак Лурье призвался добровольцем на флот и был зачислен в ряды 5-го медицинского батальона 5-дивизии морской пехоты, находившейся на тот момент на стадии формирования.

Он написал ей письмо из Camp Pendleton, где базировалась его часть, но, увы, было уже слишком поздно. Его платоническая любовь к Ариэле закончилась после рокового известия о ее помолвке с неким молодым человеком из семьи зажиточных нью-йоркских евреев. В своем дневнике Лурье неясно описывает чувства своей бывшей подруги к нему, но я так думаю, что

в любом случае ее родители не оставили ей права выбора и настояли на выгодном для них браке. Тем более ее жених был также, как и она сама чистокровным евреем. Для Жака это был первый по-настоящему жестокий удар судьбы, поколебавший его веру в земное счастье. Узнав о помолвке девушки своей мечты, Лурье постарался сразу же забыть о ней.

Но в его дневниковых записях еще не раз встречались упоминания об Ариэле. По крайней мере до 1945 года.

– С ним что-то случилось в этот год, ведь он воевал, не правда ли?

– Да, Жак честно исполнил свой долг перед Родиной и больше года исправно воевал на Тихом океане. В феврале 1945 года его дивизия участвовала в штурме острова Иводзима. Он был там до конца марта и активно принимал участие в боевых действиях. В частности, за свой выдающийся подвиг, совершенный в период боев за гору Сурибати младший капрал Жак Лурье был удостоен Медали Почета.

– Вот как, интересная подробность: оказывается, жестокий серийный убийца был когда-то героем-морпехом! И что же такого героического он тогда совершил? Кажется, я догадался, он в одиночку расчленил и съел сто японцев, ха-ха!

– Не юродствуйте, Патрик. То, что совершил тогда Жак Лурье, было настоящим подвигом. 20 февраля, когда провалилась очередная атака 28-го полка морской пехоты, рядовой Жак Лурье под шквальным огнем пулеметов и пушек, вытащил с поля боя больше десятка раненых и среди них командира одного подразделения. При этом он сам получил два легких ранения, но не покинул поле боя и до самого темна спасал с поля боя раненых.

– Обалдеть, доктор Уорли, неужели такое бывает в жизни, что в одном человеке могут так тесно соприкасаться подлость и героизм?

– Могут, Патрик, могут. Человек самое сложное земное существо и ученые еще не одно столетие потратят на раскрытие всех тайн нашего мозга.

– Вы думаете, что это возможно, в смысле, полностью разгадать все тайные замыслы человека?

– Думаю, что нет.

– Довольное оптимистичное утверждение.

– Пожалуй, заключение, выведенное из опыта собственной жизни.

– Вы упоминали доктор, что с Жаком что-то случилось в тот год, не правда ли?

– Да, крошечный ад Иводзимы тяжело потряс воображение Жака Лурье. Вид тысяч искалеченных тел и невообразимая массовая жестокость как будто бы разбудили доселе дремавшие в нем инстинкты. И когда он покидал поверженную Иводзиму, внутри него уже разминал затекшие члены Зверь из Бездны.

– А каким же тогда образом этот проснувшийся Зверь из Бездны смог стать протестантским миссионером?

– Да, кстати, уже в 1943 году Жак Лурье проявлял активный интерес к миссионерству и даже был помощником полкового капеллана. Тот, наблюдая за живым энтузиазмом и непорочностью своего помощника, вскоре приблизил его к себе, а в июне 1945 года походатайствовал, чтобы Жака перевели на должность его личного адъютанта. Мы делали запрос в архив военно-морских сил и получили отличную характеристику на младшего капрала Жака Лурье. В то время как его боевые товарищи в дни бездействия предавались откровенному разврату и пьянству, Жак штудировал Священное писание и истово молился. Ко всему этому стоит присовокупить его внешне ангельский вид и кроткие, немного скованные манеры. По крайней мере, так о нем отзывался его полковой капеллан, а ныне епископ Епископальной церкви нью-йоркского диоцеза Бишоп Шелби.

– И каков был дальнейший путь нашего новоиспеченного «святоши»?

– В сентябре 1945 года, после подписания Акта о капитуляции Японии, Жак Лурье в составе миссионерской миссии прибыл в Токио и здесь начался второй важный этап его жизни.

В Японии Лурье пробыл до 1952 года и за это время побывал с благотворительной миссией во многих городах Японии. Но остановившись в Киото в 1949 году, он пробыл в этом городе до самого отъезда. Я не могу рассказать многих вещей, так как давал подписку о неразглашении, но, пожалуй, упомяну об одном немаловажном обстоятельстве. В Киото Лурье познакомился с местным синтоистским монахом по имени Дзэнте. И именно это знакомство стало знаковым и поворотным в судьбе нашего впечатлительного миссионера.

– Кем был этот японский монах?

– Как я уже упомянул выше, я не имею права рассказывать вам всего. Скажу лишь, что этот Дзэнте принадлежал к одной закрытой синтоистской секте исповедующей темные культы.

– Хорошо, значит, Жак Лурье познакомился с этим самым Дзэнте и принял свой настоящий облик Зверя из Бездны?

– Хм, не совсем так, дорогой Патрик, не совсем так... Вы что-нибудь слышали о «нопэрапонах»?

– Нет, а что это такое?

– В дзен-буддистской мифологии этим термином обозначают человека или монстра без лица.

– А что, бывают и такие?

– Японцы древняя и мудрая нация и если они верят в «нопэрапона», значит, он существует на самом деле.

– Но к чему вы это упомянули, доктор Уорли?

– Упомянул я это не зря. Жак Лурье для меня и есть олицетворение этого самого «нопэрапона», т. е. «человека без лица». Ведь никто никогда не знал его настоящего облика и все свои мысли и тайные желания он посвящал лишь черной тетради, которую с юношеских лет повсюду возил с собой. Когда в дневнике закончились чистые страницы, он не захотел расставаться с исписанной тетрадью и клеил в нее новые листы.

– Вы знаете, где теперь храниться этот дневник, доктор Уорли?

– Вопрос провокационный, но я на него отвечу. Об этом точно мог знать покойный директор FBI Роберт Мюллер, а сейчас возможно, знает нынешний директор Джон Гувер. Но бьюсь об заклад, ха-ха, он вам точно ничего об этом не скажет! На двенадцатый день нашего расследования, мне позвонил комиссар Харрингтон и велел передать дело Жака Лурье Специалистам следственного отдела ФБР, прибывших в Бэгли вечером этого же дня. Для меня это было неприятным известием, ударившим по моему молодому самолюбию, но приказ есть приказ и я был вынужден подчиниться.

– Выходит вместе со всеми делами, вы передали агентам СЮ и таинственный дневник Жака Лурье?

– Точно так и кроме этого я и еще двое детективов SPPD, знавших о содержимом дневника, дали подписку о неразглашении.

– Что вам известно о секретном проекте DOM, доктор Уорли?

– Я не буду отвечать на этот вопрос, Патрик. В штатах и без меня хватает разных болтунов, вешающих «лапшу на уши» об этом проекте добропорядочным гражданам.

– Говорят, этот проект был напрямую связан с таинственным дневником Жака Лурье, ведь так?

– Я ничего об этом не знаю, а если бы и знал, то все равно не сказал вам.

– Почему вы так категоричны, доктор Уорли?

– Мне просто жаль ваши нервы.

– Вот как, а знаете, я не особо впечатлителен и ради отличной сенсации готов положить на алтарь даже свою душу.

– Суета сует!.. Хм, но с виду вы не так глупы, как говорите, Патрик.

– Спасибо вам за очередной комплимент, доктор Уорли.

– Не за что, Патрик!

– Может, вы еще что-то можете добавить, что не повредит вашей безупречной репутации, уважаемый доктор.

– Да, стоит лишь добавить, что в 1952 году миссия Жака Лурье в Японии благополучно завершилась, и он отбыл в Соединенные Штаты. Но на Родину он вернулся не один. Вместе с ним приехал его японский наставник монах Дзэнте. В течение восьми лет он неотлучно следовал за своим питомцем и обучал его древним темным ритуалам и языческим обрядам. Все эти годы Жак Лурье занимался миссионерской деятельностью под крылом нескольких известных протестантских миссий и ни разу не дал повода усомниться в своей безгрешности и добропорядочности.

– У меня к вам вопрос, доктор Уорли: массовое убийство женщин в Бэгли было единственной акцией Жака Лурье?

– К сожалению, нет. Это выродок успел «наследить» еще в нескольких штатах и там его жертвами, по примерным подсчетам, стали не менее шестидесяти лиц женского пола.

– То есть Лурье убивал только девушек и женщин?...

– Не только, его жертвами были и совсем юные девочки, едва достигшие тринадцатилетнего возраста.

– Как, по-вашему, Жак Лурье был девственником?

– Я думаю, что нет. Многие из его жертв перед смертью подвергались сексуальному насилию. Хотя он не брезговал даже мертвыми. В его дневнике было немало откровений, посвященных извращенным любовным утехам, которым он предавался со своими несчастными жертвами.

– Ему доставляло удовольствие чувствовать власть над слабым полом?

– Похоже, он просто упивался своим могуществом и властью и немало страниц своих дневниковых записей посвятил описанию своей гениальности и бессмертию.

– Бессмертию, он считал себя бессмертным?

– Этот замаскированный выродок верил, что кровь его жертв сделает его бессмертным. Он подвергал свои жертвы жесточайшим пыткам и избиениям. И доводил их до такого состояния, что его истерзанные жертвы сами умоляли его убить их. Он был настоящим специалистом по расчленениям и самым зверским пыткам. Не стоит забывать, что в прошлом Жак Лурье получил блестящее медицинское образование и в совершенстве знал обо всех слабостях человеческого организма.

– Б-р-р, просто жуть! Доктор, вам известно, где он в первый раз совершил убийство?

– Судя по его записям, датированным 1950 годом, первой его жертвой была пятнадцатилетняя японская девочка, бывшая прихожанкой христианской миссии в Киото.

– Что он сделал с ней?

– Жак Лурье давно наблюдал за этой девочкой и ждал лишь удобного случая, чтобы завладеть ею. И однажды ему представился такой случай. Обманом он завлек ее в лес и изнасиловал бедняжку. Тогда он впервые познал грешную сладость непорочного женского тела. Ему было тридцать лет, и прелесть секса стала для него настоящим открытием. Осознав, что ему грозит за его проступок, Лурье задушил девочку и закопал ее бездыханное тело на месте преступления. Девочку потом долго искали, но так и не нашли. Кстати, сам Лурье принимал активное участие в поисках, и даже некоторое время посещал родителей убитой им девочки, дабы утешить их и вдохнуть в них веру.

– Вот так свинья! Вы можете назвать те места, в которых орудовал Лурье?

– Это закрытая информация и я не имею права ее разглашать.

– Хорошо, когда Жак Лурье и его японский друг появились в Миннесото?

– Два года назад. Лурье примкнул к сент-польскому англиканскому диоцезу и сравнительно в короткий срок добился значительного авторитета в местной общине. Было предложе-

ние выдвинуть его в епископы, но на удивление многих прихожан, ратовавших за его назначение епископом, Жак Лурье отказался от столь почетного назначения и попросился перевести его в Бэгли.

– Черт, не пойму, но почему именно Бэгли? Почему этот выродец выбрал для своих кошмарных экспериментов именно Бэгли?

– Об этом я не берусь судить. Значит, у него были на то свои причины. Может он чувствовал, что рано или поздно на его след выйдет полиция, я не знаю? Ведь он столько раз за восемь лет менял место своего жительства! Этих мест было немало, и везде он старался задержаться не более чем на несколько месяцев.

– Да, все-таки, в осторожности ему не откажешь?

– Он обладал каким-то шестым чувством и целых десять лет творил кровавый беспредел по обе стороны Тихого океана.

– И ведь его так и не поймали!

– Да, к сожалению.

– А что вы думаете о версии его вознесения на небо?

– Это полная чушь, не верьте никому, Патрик.

– Но ведь вам лично знаком старший криминалист SPPD Рой Мерфи, написавший книгу-расследование о том нашумевшем деле. Он пишет в своей книге, что был хорошо знаком с содержимым дневника и на 100 % уверен, что убийства Жака Лурье были напрямую связаны с черной магией, а не с его сексуальной разнузданностью и психическими проблемами.

– Я не хочу ничего слышать об этом дешевом шарлатане. Рой Мерфи никогда не видел в глаза того дневника, иначе бы он строго ответил за свою пустую писанину для молодых идиотов и профанов.

– Хорошо, не будем об этом. И последний вопрос, доктор Уорли: что стало с тем стариком, которого вы задержали в подвале церкви? Ведь это и был тот самый японский монах Дзэнте, ведь так?

– Я смотрю, вы осведомлены не меньше чем я, так зачем же вам потребовалось приглашать меня на радиопередачу?

– Вы же прекрасно знаете, уважаемый доктор Уорли, насколько непререкаемо ваше авторитетное мнение в полиции штата. Как мы могли не пригласить вас, задумав разговор о таком гиганте преступного мира, как Жак Лурье?

– Ладно, вы меня утешили. Старика мы отправили в Regions hospital в Сент-Поле и больше я его никогда не видел. Для нас было бы напрасной тратой времени пытаться что-то вытащить из него. Он был глух и нем и откровенно говоря, находился на грани безумия.

– Я слышал, что Дзэнте недолго прожил в больнице и был жестоко убит молодым врачом, который непосредственно занимался его лечением.

– Да, это так. Но эта уже другая история... Извините меня Патрик, надеюсь, я достаточно удовлетворил ваше любопытство. Через час у меня назначена деловая встреча с одним очень важным человеком и поэтому мне нужно идти.

– Что ж, огромное вам спасибо, уважаемый доктор Уорли. Вы доставили нам огромное удовольствие своим увлекательным рассказом, и надеюсь, для вас также это время не прошло даром.

– Спасибо всем и хорошего дня... Пока Патрик. Берегите себя!

– И вы берегите себя, доктор. Всех вам благ!.. Итак, только, что у нас в гостях побывал знаменитый детектив, а ныне известный религиовед Джейсон Уорли, который любезно поведал нам животрепещущий и полный ужаса рассказ об одном из самых загадочных и кровавых маньяков Америки. Ну, а время нашей передачи подошло к концу и на этом, дорогие радиослушатели, я хотел бы проститься с вами до следующего четверга и пожелать вам удачной недели и крепких нервов. С вами был ваш hellish energizer Патрик «Hammer» Доусон...

...Петти не осталась равнодушной к душещипательной беседе настырного радиоведущего со своим именитым гостем и во время всего рассказа доктора Уорли с напряженным интересом прислушивалась к его мрачным откровениям. В ее душе с новой силой вновь зашевелилась смутная тревога, напомнившая ей о ее недавнем кошмарном сне. Она подсознательно почувствовала некую связь между пережитым сновидением и тем, о чем рассказывал невидимый доктор Уорли. Утомленно прикрыв глаза, Петти прислушалась к медленным ударам своего сердца. Отравленная страхом и отчаянием кровь вяло струилась по сосудам и венам ее тела, и казалось еще немного и алая река бессмертия превратится в желеобразный кисель, источающий дурной запах смерти. Но мысли о смерти не особенно беспокоили Петти. Ведь рано или поздно она все равно придет за ней. И возможно это произойдет в том самом месте, в которое она ехала на желтом лимоне, разминающим четыремя шипящими шинами дряблую кожу серой гадюки.

Неожиданно восторженный вкрадчивый голос радиоведущего сменился отстраненным скрежетом и стоном кантри-блюза и из старого динамика полился одинокий медитативный голос Джона Ли Хукера. Петти вздрогнула, и широко распахнув глаза, устремила взгляд в овальную платину зеркала переднего обзора. Прямо на нее, не мигая, смотрели все те же светлые теплые глаза водителя кэба. Петти тут же отвела взгляд в сторону и смущенно заерзала на заднем сиденье.

– Хорошее сегодня утро, не правда ли, мэм? – услышала Петти спокойный приветливый голос водителя.

Петти удивленно вздрогнула и в растерянности стрельнула глазами в зеркало. Но водитель больше не смотрел на нее и был сосредоточен на дороге.

– В этот день в России почитается память святого Евстигнея. В старые времена в этот день определяли погоду на декабрь: «Каков Евстигней таков и декабрь», – огорошил странной фразой водитель слух Петти.

«Что за чушь?» – поморщилась Петти, не понимая причины внезапной вспышки любезности не особо разговорчивого до этого водителя.

– Вы из России? – машинально и без всякого интереса спросила она.

Водитель кэба молниеносно полоснул взглядом по зеркальной пластине и охотно ответил:

– Да, я родился в России, мэм.

– Хм, впервые еду в машине с таксистом из России! – не желая выказывать удивление, но все же удивилась Петти.

– А я удивлен, что для вас эта такая новость. Русских сейчас в штатах не меньше, чем других национальностей из иных стран, – пожал широкими плечами водитель кэба.

– Ну и как там, в России? – натянула насмешливую улыбку на бледное лицо Петти. Она недолюбливала эмигрантов и напрямую связывала нынешний бардак в стране с наплывом бывших граждан из Восточной Европы и Азии.

– Когда уезжал было шумно, – не заметив насмешки Петти, ностальгически выдохнул русский.

– Кажется, понимаю, вы приехали к нам в конце 80-х? – показала Петти свое знание политической истории.

– Да, Перестройка, Гласность, Горбачев! – на высокой ноте выдал водитель.

– Выходит вы живете в штатах уже больше двадцати лет. Тогда можно сказать, что вы почти американец, – теряя интерес к эмигранту, коротко зевнула Петти.

– Пожалуй, что почти, – согласно кивнул почти русский американец.

– И как, вас домой не тянет?

– Человека всегда куда-то тянет и он все время куда-то и от кого-то бежит, – философски изрек водитель.

– В чем-то вы правы, – нагнала на себя тоскливую тучку Петти.

– А куда и от кого бежите, вы, мэм? – пригвоздил Петти провокационным вопросом водитель желтого кэба.

– То есть... мне не совсем понятен ваш вопрос? – с досадой в голосе, отозвалась Петти.

– Ну, если исходить из того, что все мы куда-то бежим, то куда бежите вы? – расширил рамки своего вопроса русский водитель.

– Я? – Петти, упрямо поджала губы и надолго замолчала. Ее рассеянный взгляд отрешенно заскользил по танцующим по обочине дороги деревьям и нагромождениям сморщенных скал.

«Почему она должна откровенничать с этим малознакомым водителем, везущим ее в неизвестность? Зачем ему знать, куда направляется одинокая женщина с глазами раненой волчицы? Сколько таких таксистов она видела в своей жизни, но еще никто не задавал ей такого вопроса. Никто не имеет права копаться в ее душе и выпытывать то, что принадлежит только ей самой».

– Я чувствую, что мог обидеть вас, мэм? – после длительного молчания, тоном раскаяния обратился водитель к насупленной Петти.

Ответ водителя кэба несколько смягчил Петти, и она тихо выдохнула в ответ:

– Не стоит извиняться, я совсем не обиделась.

Джон Ли Хукер в последний раз ударил по струнам старенького Les Paul и следом радиоэфир заполнил высокий немного взвинченный голос Би-би Кинга, сопровождаемый неторопливыми джазовыми переливами саксофона и солирующей гитары. Услышав знакомую мелодию, водитель кэба немного прибавил звук на радиоприемнике и плавно повел плечами.

– Вам нравится старый блюз? – искоса метнув взглядом на водителя, удивленно повела бровью Петти.

– Конечно, ведь это музыка моей молодости, – ухватился за ниточку назревающего разговора водитель кэба.

– Я слышала, что в СССР западная музыка подвергалась всяческим запретам, это так?

– Всякое было, но это не мешало нам знать своих кумиров в лицо и на слух.

– Мой отец тоже был помешан на блюзе, и до четырнадцати лет я практически не знала иной музыки, кроме Sonics, Rolling stones, Led zeppelin и The Jimmy Hendrix Experience, – неожиданно для самой себя разоткровенничалась Петти.

– Неплохая подборка рок-меломана. Я бы еще в нее добавил Pink Floyd, – восхищенно прищелкнул языком русский любитель блюза.

– Не напоминайте мне про эту группу, прошу вас, – кисло поморщилась Петти, резко теряя интерес к теме рок-музыки.

– Хорошо, не буду, – снисходительно пожал плечами водитель и вдруг выключил радио. В салоне автомобиля вновь повисло тягостное молчание, нарушаемое лишь мерным урчанием двигателя.

– Зачем вы выключили радио, оно мне совсем не мешало? – желая разрядить некоторую напряженность, неуверенно спросила Петти.

– Просто я почувствовал, что вы совсем не любите старый блюз, – как ни в чем не бывало, легким тоном ответил водитель.

– Хм, а знаете, это правда. Я и в самом деле ненавижу слушать старый блюз, – слегка усмехнулась Петти.

– Он напоминает вам о минувших днях детства? – осторожно постучался любознательный водитель в закрытую дверь воспоминаний своей меланхоличной пассажирки.

– Не знаю, может и так. Я стараюсь об этом не думать, – плотнее прикрыла дверь Петти и с нетерпением посмотрела на свои часы. Стрелки часов двигались по орбите циферблата подобно двум околевшим червям: вяло и неторопливо. Ехать оставалось еще почти два часа.

Ей вдруг захотелось поскорее выбраться из такси и, послав к черту водителя, идти пешком. Но ее шальную мысль блокировал голос всезнающего русского эмигранта:

– А вы знаете, в этой местности водятся бурые медведи и черные волки?

– Да что вы, не может быть?! – нервно улыбнулась Петти. Да, окружающие места и в самом деле вполне подходили для обитания свирепых хищников. Угрюмые буреломы и скальные накаты то и дело сменялись живописными видами голубых озер в обрамлении каменных бус и зеленых лесных начесов. Первозданная дикость и мощь окружающей природы магическим образом подействовали на Петти Чарли, и она почувствовала себя по-настоящему беспомощной вдали от уютных благ цивилизации, добровольно отвергнутых ею ради неведомой авантюры.

Обдавая жарким перегаром лета перезревшую землю, по синему тракту катилась огненная колесница солнца, окутанная розовым протуберанцем и налипшими перышками молочных облаков. Желтый лимон был сегодня королем трассы и летел вперед подобно птице, не рискуя столкнуться со встречными автомобилями. Это было немного странно, но за два с половиной часа путешествия, Петти не видела ни одного встречного авто. Вероятно, сегодня она окажется первой женщиной, преодолевшей в это утро такой долгий путь на северо-запад штата?

– Вы еще не передумали ехать в Бэгли, после того, что слышали по радио? – нашел новую тему для разговора водитель кэба.

– Почему я должна передумать ехать в Бэгли? – вопросом на вопрос скрикошетила Петти.

– Вас не пугает темная слава этого богом забытого городка?

– Ах, так вы о том серийном маньяке, который когда-то убивал в Бэгли женщин?

– И не только...

– Есть что-то еще? – напрягла голос Петти.

– Там и помимо этой мрачной истории хватает всякой чертовщины, мэм.

– Вы что-то знаете, чего не знаю я?

– А что знаете вы о Бэгли, мэм? – с ходу закинул удочку в мутную реку сознания пассажирки водитель кэба.

– Честно? – неожиданно легко заглотила наживку Петти.

– По-вашему желанию, мэм, – плавно потянул на себя удилище ловец чужих тайн.

– Я даже представления не имею о том месте, куда мы едем, – обреченно тряхнула головой Петти.

– Вы меня поражаете своей живой непосредственностью, мэм! – взволнованно заерзал на кресле любознательный русский, совсем не ожидавший такого ответа от своей пассажирки.

– Да, пожалуйста, удивляйтесь, сколько вам влезет, – небрежно фыркнула Петти и, запустив пальцы в свои распущенные волосы, впиалась острыми ногтями в кожу головы.

– Учитывая ваши скудные познания и неразумную самодеятельность, я расскажу вам лишь о том, что лично знаю об этом проклятом месте, – погасив волнение, ровным тоном школьного преподавателя произнес водитель кэба.

– Любопытно!

– И главное познавательно!.. Так вот, вы не первая из пассажиров, кого я отвожу в этот городок. Несколько моим знакомым таксистам также доводилось довозить туда людей. Но что самое странное, я никогда не слышал, чтобы в Бэгли была служба такси и она отвозила завезенных туристов обратно.

– Вот так сенсация и что же из того?

– А то, что никто из захавших в Бэгли больше никогда не возвращается обратно! – Там снова завелся серийный маньяк?

– В том то и дело, что об убийствах там ничего не слышно. В Бэгли есть свое небольшое подразделение полиции во главе с шерифом и пожарная служба. Кроме того в городе проживает не так уж и много жителей. Что-то около трехсот шестидесяти человек. Фермеры, служа-

щие, домохозяйки и разный неработающий mob. В общем, стандартный социум, соответствующий критериям провинциального тауншипа. Исправно действуют все службы: банк, почтовое отделение, местная школа и муниципалитет, но, по-моему, с этим городом все равно что-то не так!

– Откуда вы набрались такой подозрительности и суеверий?

– Юрий, можете звать меня Юрием.

– Ну, Юрий так Юрий. Так на чем основываются ваши подозрения? Есть ли у вас какие-то конкретные факты?

– Хм, конкретных фактов нет, есть косвенные догадки и нехорошее предчувствие, которое мне подсказывает, что там не все чисто.

– Теперь я вижу, что вы настоящий американец: рыхлый, наивный и суеверный!

– Пошадите меня, мэ, за что вы навешиваете на меня такие бескомпромиссные ярлыки?

– Эх, Юрий, Юрий, а сами говорили мне, что вы русский!

– Неужели, по-вашему, русские не верят в чертовщину?

– Знаете, когда я была совсем маленькой мой отец говорил мне, что все русские это громадные волосатые животные со свинными рылами и кривыми бычьими рогами. И когда я впервые увидела в церкви настенную роспись, изображающую Страшный суд, то мне показалось, что это Россия с ее дикими обитателями.

– Ха-ха-ха, а вы смешная! – наполнил салон автомобиля приятный бархатистый смех водителя кэба.

– Петти, можете звать меня Петти, – растопив свое недоверие в открытом смехе Юрия, наконец, открыла пассажирка ему свое имя.

– Вы, в самом деле, смешная, Петти. Неужели я, по-вашему, похож на черта?

– Теперь уже нет. Вы напоминаете мне жителя штата Монтана.

– Ха-ха-ха, а почему именно жителя Монтаны?

– А потому что там самые бдительные и суеверные люди, которые верят, что если в баре соберутся больше семи индейцев, то они обязательно сколотят банду и станут кого-нибудь грабить. Поэтому по закону в них можно стрелять без предупреждения.

– Забавно! – широко улыбнулся Юрий и лукаво подмигнул своей расшалившейся пассажирке. – А вы слышали, что в штате Айова мужчине запрещено подмигивать женщине, с которой он не знаком?

– Не слышала о такой глупости. Я была проездом в Айове несколько дней назад, но не особо обращала внимание на подмигивающих мужчин.

– Что ж, было весело послушать вас, но все-таки, я прошу вас принять во внимание мои предупреждения относительно цели вашей поездки.

– К вашему сведению, Юрий, я не из пугливого десятка.

– А я в этом и не сомневаюсь, мэ. Вы и в самом деле производите впечатление решительной женщины. И все-таки мне интересно, что именно подвигло вас на путешествие в этот богом забытый городок?

– Какой вы, однако, настойчивый русский таксист, – без былой досады усмехнулась краем потрескавшихся губ Петти.

– Я психолог по образованию и мне всегда казались интересными неординарные поступки людей.

– Хорошо, только, прошу вас, не смейтесь, Юрий, – после недолгого раздумья, решительно смахнула с лица русую прядь волос Петти.

– Обещаю быть серьезным, мэ! – искренне приложил ладонь к сердцу любознательный водитель.

– Недавно у меня было странное видение, – насупив тонкие брови, медленно произнесла Петти. Взгляд ее больших серых глаз внезапно странно остекленел, и она как будто бы ушла в себя.

– Что это было за видение, Петти?

– Я до сих пор не могу точно понять, что это было сон или явь, но у меня осталось смутное ощущение того, что скоро я узнаю об этом, – окунувшись в застывшую пелену воспоминаний, тихо, но внятно произнесла Петти.

Водитель кэба, боясь вспугнуть наваждение, охватившее его пассажирку, затаил дыхание и стал внимательно слушать ее рассказ.

– Я спала в ту ночь, а может, и нет... Но мне показалось или приснилось, что я все еще маленькая девочка лет пяти и лежу в своей уютной кроватке в просторном отцовском доме. Я, нежно прижимая к себе свою любимую тряпичную куклу Тутси и не мигая, смотрю сквозь открытое окно в квадратный экран звездного неба. Пространство вокруг меня наполнено ватным спокойствием и тишиной, которая обволакивает мое детское сознание легкой паутиной потусторонних снов. Я верю в свое бессмертие и совсем не боюсь темноты, потому что знаю, что меня охраняет белый ангел, стоящий на комодке подле меня. Мне его подарила мама, когда еще жила с нами, но я этого не помню, потому что это было в первый день моего рождения. Иногда ангел превращается в белую бабочку, и садиться в изголовье моей кроватки и пока я сплю, мне ничего не грозит.

Вот и в эту ночь, мой персональный ангел стряхнул с себя гипсовое оцепенение и, взмахнув прозрачными белыми крыльями, завис надо мной. Без тени страха, с немим восторгом я стала наблюдать за ломаным полетом небесной бабочки, и мое круглое румяное личико расплылось в счастливой улыбке. Снизившись надо мной, белая бабочка призывно помахала мне крыльями и, описав широкий круг по комнате, выпорхнула в открытое окно. Увлеченная наблюдением за перевоплотившимся ангелом-хранителем, я сбросила с себя теплое одеяло и, сунув под мышку вялую Тутси, вскарабкалась на подоконник. Выпрыгнув из окна на прохладный ковер из сочных трав, я стала искать взглядом пропавшую бабочку и, разглядев в сгущающемся мраке трепет ее белых крыльев, побежала вслед за ней.

Я совсем не боялась потеряться в темноте, так как меня вел вперед мой ангел-хранитель, который бы не позволил сотворить надо мной зло. Неожиданно в глаза мне ударил яркий режущий свет, и я невольно крепко зажмурила глазки. Когда же я осмелилась открыть их, то была удивлена невиданным зрелищем, открывшимся передо мной. Я увидела дерево, ветви которого светились неземным огнем. Дерево было таким высоким, что его пышная, объятая ярким светом крона, упиралась в самые небеса. Но самым удивительным было то, что вместо листьев на деревьях висели разноцветные бабочки. Их было множество, и все они шевелились, издавая тихий шорох, напоминающий голос весеннего ветра. Пока я, открыв от изумления рот, любовалась райским видением, мой крылатый ангел-хранитель опустился на траву подле дерева и мгновенно принял облик человека, одетого в белые просторные одежды. Но и это чудо не напугало меня и я, стоя, словно вкопанная, не мигая, смотрела на белого человека. Мне по-прежнему казалось, что это мой ангел-хранитель, решивший этой ночью поиграть со мной, и пока что мне нравилась эта игра.

Тем временем белый человек, медленным жестом скинул с головы низко надвинутый капюшон и степенно шагая, приблизился ко мне. И вот он стоит совсем рядом со мной, и я не отрываясь, смотрю в его лицо. Точнее я не вижу его лица, так как его просто нет. Белый человек протянул ко мне свою узкую длинную ладонь, и я услышала его тихий таинственный голос:

– Петти, ты должна приехать в Бэгли. Я буду ждать тебя там. Ты слышишь меня, Петти? Ты должна приехать в Бэгли. Я буду ожидать тебя там.

Я механически кивнула головой и невольно покрепче прижала к себе свою безмолвную подругу Тутси. Получив от меня утвердительный ответ, белый человек склонил голову к земле

и изящно взмахнул растопыренными кистями рук. И в ту же секунду, повинувшись его повелительному жесту, тысячи бабочек сорвались с ветвей райского дерева и неслышно вспорхнули вверх. Это было похоже на невероятный парад ангелов, затмивших своими невесомыми светящимися телами земной мир, утопающий во мраке бесконечной ночи. Вид этого сказочного фееричного зрелища поверг меня в необъяснимый восторг и я, не сдерживая своей нахлынувшей радости и счастья, закричала во весь голос:

– Возьмите меня с собой, бабочки!..

Пленка с записанными воспоминаниями сна оборвалась и в салоне вновь воцарилась тишина. Петти все еще пребывала в искусственном анабиозе и не торопилась возвращаться в реальность. Водитель кэба приоткрыл окно и, достав из «бардачка» пачку Kent Convertibles и керосиновую зажигалку, неторопливо закурил. Ароматный освежающий запах ментола приятно защекотал ноздри Петти и она, открыв глаза, судорожно вздохнула.

– Как вы себя чувствуете, Петти? – выдыхая в приоткрытое окно струю дыма, поинтересовался водитель кэба.

– Как обычно, – безразличным тоном отозвалась Петти. У нее внезапно невыносимо заболели виски, а перед глазами поплыл всякий геометрический хлам в виде разноцветных пузырей и раздавленных бабочек. Вдобавок ко всему по телу прошла неприятная изморозь, бывшая предвестником ноющей ломоты в костях. Петти предчувствовала приближение Ада и готовилась к этому с безразличной отрешенностью самоубийцы. Боясь полностью открыться перед слишком открытым и чрезмерно любопытным Юрием, Петти собрала в кулак остатки воли, чтобы не застонать от боли. Но Юрий, как будто бы не замечал, то состояние, в котором сейчас пребывала его пассажирка, и следом задал новый вопрос:

– Как давно вы видели этот сон, Петти?

– Около четырех недель назад в Riverside, – преодолевая головную боль, слабо выдавила Петти.

– И после этого вы решили ехать в Бэгли, так? – не унимался с расспросами Юрий.

– Черт... да, да, Юрий, именно после этого я решила ехать в Бэгли! – не выдержав, почти закричала Петти. Ей стало хуже и, обхватив себя руками, она буквально вжалась спиной в сиденье.

– Да, нет, что вы, не подумайте, что я пытаюсь подтрунивать над вами, Петти! – вскинулся Юрий, не ожидавший такой бурной реакции от своей эгоцентричной пассажирки. – Напротив, я очень даже склонен верить в вещие сны, и не вижу в них ничего предосудительного.

– И как вы можете объяснить мой сон? – сквозь стиснутые зубы, простонала Петти.

– Знаете, милая Петти, поверьте словам старого русского эмигранта. Жизнь играет с нами в жестокие игры и расставляет на нашем пути бесчисленные ловушки. Тот, кому есть, за что и зачем жить, должен научиться избегать их. В противном случае, того, кто решит поиграть с жизнью, ожидает неминуемая трагедия, – все еще не замечая ухудшающееся состояние Петти, перешел на поучительную философию Юрий.

– А если мне не для кого и не для чего жить, тогда как? – саркастически усмехнулась Петти.

– Мне знакома горечь вашего смеха, мэм. Поверьте старому эмигранту это пройдет, обязательно пройдет! И мой вам совет, пока еще не поздно, откажитесь от своей цели и вернитесь назад в Сент-Пол, – сделал очередную попытку отговорить свою пассажирку Юрий.

– Я ценю вашу заботу о малознакомой вам женщине, Юрий, но все же я поступлю по-своему и покорюсь судьбе, – окончательно дала понять Петти настырному русскому, что не намерена менять своего решения и возвращаться обратно в Сент-Пол.

– Отлично, тогда я сделаю то, что точно не понравится вам, но возможно после вы мне скажете спасибо! – быстро осмыслив ответ Петти, видимо решил на какой-то отчаянный поступок Юрий.

– Что вы задумали, русский сумасброд?! – в панике заметалась на заднем сиденье Петти.

– Я попытаюсь перехитрить вашу судьбу и прерву нашу ненужную поездку, – не обращая внимания на отчаянные возгласы пассажирки, воскликнул водитель кэба, и плавно сбавив скорость автомобиля, стал готовиться к поворотному маневру.

– Прекратите, я прошу вас, немедленно прекратите это самоуправство! – вне себя от ярости заверещала Петти и накинулась с кулаками на сосредоточенного на дороге Юрия, – Вы простой водитель и я заплатила вам за то, чтобы вы просто довезли меня до этого гребаного Бэгли. Больше мне от вас ничего не нужно, вы слышите, упрямый старик?

– Не нервничайте, мэм. Я желаю вам только добра! – защищая ладонью голову от хлестких ударов пассажирки, примирительно настаивал Юрий.

– Знаете, что дяденька, а засуньте-ка вы свою безмерную доброту в свою русскую задницу! – не имея сил остановить водителя, устало откинулась назад Петти. Ей стало еще хуже и на грудь, словно навалилась стальная плита. Уронив назад голову, Петти стала жадно хватать ртом воздух. То, что вскоре должно было настичь ее, начало обглаживать ее измученное тело и душу.

И в тот момент, когда Юрий уже повел машину на поворот, перед его глазами молниеносно промелькнула огромная бесформенная тень, а следом раздался глухой удар о бампер.

– Ч-черт, что это было?! – резко вдавив в пол педаль тормоза, оторопело выдохнул Юрий. От сильного толчка Петти по инерции повалилась на бок и чтобы не удариться головой о спинку кресла водителя, ей пришлось выставить перед собой руки.

– Что случилось, Юрий? – с трудом приняв вертикальное положение, с досадой простонала Петти.

– Еще пока не знаю, но мне кажется, что я кого-то сбил, – быстрой скороговоркой выпалил русский и, заглушив двигатель автомобиля, буквально выдавил дверь наружу. Настороженно осмотревшись по сторонам, Юрий стал медленно обходить автомобиль со всех сторон. При этом он что-то тихо бормотал, возможно, на своем родном языке. Все это время Петти, не скрывая беспокойства, из окна наблюдала за водителем кэба.

«Что задумал этот русский придурок? Зачем он повернул обратно и что успел увидеть, перед тем как нажал на тормоза?»

Внимательно осмотрев сверху донизу автомобиль и дорогу, Юрий озадаченно почесал затылок и усталыми глазами посмотрел в небо. Но оно не могло ответить на его вопрос или, же не имело на это права. Небо, как обычно хранило молчание, предпочитая не вмешиваться в земные дела и тайны.

– М-да... мэм, как вы там? – переведя взгляд на затаившуюся за стеклом пассажирку, заботливо спросил Юрий.

Отворив заднюю дверь, Петти плавно выплыла наружу и, облокотившись на крышу автомобиля, уставилась на Юрия взглядом, готового к выстрелу снайпера. Без слов, угадав, о чем сейчас думает эта длинноногая русоволосая дива, закованная в непроницаемый панцирь роковой печали, Юрий робко обронил:

– Вы такая красивая Петти и вам совсем не идет, когда вы хмуритесь.

– Вас в России учили подхалимству, Юрий? – не отводя от смущенного водителя дерзких серых глаз, язвительно прошипела Петти.

– Простите меня, Петти, но я точно видел, как что-то очень большое и темное бросилось мне под колеса. Возможно, это был лось, но тогда где же он? Я ведь ясно почувствовал удар о бампер! – не в силах выдержать уничтожающего взгляда пассажирки, отвел глаза в сторону Юрия. Присев на корточки, он сцепил кисти рук в замок и о чем-то усиленно задумался.

– Ну и долго мы так будем стоять? – нетерпеливо вскрикнула Петти и в сердцах пнула острым носком туфли по колесу автомобиля. Вздрогнув от женского вскрика, Юрий медленно

поднял голову и вдруг его взгляд остановился на яркой шевелящейся точке на стекле автомобиля.

– Смотрите Петти! – вскинув руку, ткнул он пальцем прямо перед собой.

– О чем вы? – проследив за направлением пальца Юрия, подалась грудью вперед Петти. Повернув голову, она увидела прилипшую к лобовому стеклу автомобиля большую темно-оранжевую бабочку, с темным опалом и рядами белых пятен на концах крыльев. Бабочка неподвижно сидела на окне, и лишь округлые концы ее крыльев слегка подрагивали, тем самым показывая, что она живая.

– Какая красавица! – забыв о своем физическом недуге и дурном настроении, радостно всплеснула руками Петти. Протянув руку к бабочке, она осторожно пересадила ее себе на ладонь и приблизила к глазам.

– Совсем ручная. Смотрите, Юрий, она совсем не боится меня, – любясь совершенными формами живого небесного цветка, восхищенно заметила Петти. Восторг от созерцания бабочки внезапно преобразил ее бледное с налетом печали лицо, и она по-детски улыбнулась.

– Я бы на вашем месте не брал ее в руки, – с видом боевой овчарки готовой к прыжку, тревожно заметил Юрий.

– Вы опять начинаете? Лучше давайте сядем в машину и продолжим наш путь. Надеюсь, вы уже поняли, что ни к чему хорошему ваша самостоятельность не приведет? – слегка поглаживая бабочку по бархатистой на ощупь спинке, насмешливо прищурилась Петти.

– О чем это вы? – напряг голос Юрий.

– Расслабьтесь, Юрий. Мне кажется, ранняя смерть вам не грозит, – заметив на мужественном лице русского выражение растерянности и смятения, снисходительно фыркнула Петти. Забравшись обратно в автомобиль, она затворила за собой дверь, и казалось, мгновенно растворилась в обществе своей новой знакомой.

Юрий с минуту потоптался на месте и, бросив тоскливый взор в сторону юго-востока, решительно толкнул на себя переднюю дверь автомобиля. Он, молча, завел двигатель и, развернув, застывший посреди трассы желтый лимон, покатил его на северо-запад. Когда машина набрала скорость, Петти окликнула молчавшего водителя:

– Не беспокойтесь за меня, Юрий, со мной все будет в порядке.

Станный русский водитель ничего не ответил на полные оптимизма слова пассажирки. Достав из пачки новую сигарету, он закурил, и нервно пуская дым в окно, слился в одно целое с телом серой гадюки, ползущей в сторону северо-запада. Петти же, наслаждаясь внезапно нахлынувшим умиротворением, пересадила послушную бабочку к себе на плечо и, подтянув под себя ноги, блаженно зажмурилась. Боль и раздражение отступили от Петти, ударившись о невидимую энергетическую защиту и этого ей было достаточно, чтобы ненадолго забыться спокойным крепким сном.

Остаток пути прошел в полном молчании. Казалось, Юрий полностью абстрагировался от присутствия Петти, и его больше не волновала ее история. Лишь, когда на горизонте появились сверкающие на солнце крыши домов городка Бэгли, Юрий сбавил скорость автомобиля и негромким окриком, разбудил дремавшую пассажирку:

– Мэм, проснитесь, скоро Бэгли!

Петти приоткрыла один глаз и недовольно уставилась на Юрия.

– Зачем вы так кричите, я не глухая.

– Простите, мэм. Просто, пока мы не доехали до места, я хотел бы вас кое о чем попросить, – с прежним участием в голосе, произнес Юрий.

– Говорите, я слушаю.

Петти, стараясь не спугнуть, удобно устроившуюся на плече бабочку, выпрямилась на сиденье и недоуменным взглядом окинула резной профиль Юрия.

– У вас есть кто-то, кому бы вы могли позвонить в случае чрезвычайной ситуации? – удивил Петти очередным вопросом странный русский.

– Н-ну... вроде есть, а что? – не понимая к чему клонит Юрий, переспросила Петти.

Юрий отворил бардачок и, достав оттуда маленькую записную книжку и зеленый карандаш, передал все это своей полусонной пассажирке.

– Пишите! – тоном, не терпящим возражений, бросил он и снова надавил на педаль газа.

– Я не поняла вас, Юрий, что писать? – машинально взяв в руки книжку и карандаш, коротко зевнула Петти.

– Пишите адрес того, кому вы еще не безразличны и кто готов на все ради вас, – подсказал Юрий.

– Ну, вы даете, Юрий! – поняв, наконец, чего от нее добивается этот странный русский, искренне удивилась Петти. – Наверное, ваши дети сбежали от вашей опеки, еще не дождавшись совершеннолетия?

– Моя жена и дочь погибли в России, перед самым отъездом в штаты, – посуровевшим глухим голосом откликнулся Юрий.

– Простите меня, я не знала, – осознав неуместность своей нечаянной остроты, прикусила язык Петти. Вырвав из блокнота листок, она быстро набросала на нем два ряда ломаных цифр и, сложив его пополам, потянулась к Юрию. Петти аккуратно сунула листок с телефонами в нагрудный карман рубашки Юрия и неожиданно для себя самой, крепко обхватила его руками за шею.

– Спасибо вам, Юрий. Вы самый хороший русский, которого я когда-либо видела в своей жизни.

– Мэм, что вы?! – ощутив на своей небритой щеке мягкие губы Петти, откровенно засмутился Юрий. – Что вы, мэм. Мне просто искренне хочется вам помочь.

– Знаете, я за последнее время никого не встречала похожего на вас, – падая обратно на сиденье, откровенно призналась Петти.

– Не отчаивайтесь, мэм. Наш мир не так плох и в нем еще не перевелись добрые люди, – растроганный благодарным поцелуем пассажирки, дрогнувшим голосом уронил Юрий.

– Где вы были раньше, дорогой вы мой, русский? – нагнав на себя тень задумчивой печали, сокрушенно вздохнула Петти и, скосив взгляд на бок, кончиками пальцев погладила спящую бабочку.

Тобари ити

Желтый лимон, неслышно шурша шинами по асфальту, прокатился по центральной Мейн-Авеню и остановился около белого двухэтажного здания с покатою крышей, покрытой синей черепицей и упирающимся в небо кирпичным дымоходом. С переднего фасада здания на улицу смотрели два ряда одинаковых окон, с распахнутыми ставнями, а с дугообразного карниза над парадным входом свешивалась строгая вывеска, заляпанная жирными кляксами японских иероглифов. Восточный стиль вывески имел мало общего с Георгианской классикой здания, но было в этом и нечто интригующее, что неизменно притягивало в этот «медвежий угол» охотников за пикантными впечатлениями со всей страны.

Петти до вчерашнего дня ничего не знала про знаменитый мотель «То, что меняется» и когда планировала поездку в Бэгли, недолго думала при выборе места для ночлега и отдыха. Девушка, дежурившая на ресепшн отеля Days Inn Saint Pauls, записала ей номера двух мотелей, находившихся в Бэгли и Петти, недолго думая, позвонила на первый номер из списка. Не утруждая себя необходимыми деталями, касающимися проживания в мотеле, Петти забронировала себе номер на три дня и стала паковать вещи. Теперь же, глядя из окна такси на покрытый свежей белой краской, аккуратный кубик мотеля, Петти внезапно засомневалась в правильности своего выбора. Настойчивые предупреждения Юрия оставили в ее душе неприятный осадок, и теперь ее надломленная душа разделилась надвое перед нелегким выбором: «in» or «up».

Юрий, откинувшись на спинку кресла, блаженно зажмурил глаза и молча, ожидал, что скажет Петти. Он чувствовал ее внутреннюю неуверенность, но решил больше не вторгаться на частную территорию ее души. Пребывая во власти своих внутренних противоречий, Петти не заметила, как проснулась на ее плече оранжевая бабочка, и осторожно поводя длинными усиками, расправила яркие паруса крыльев. Она осторожно переползла с ее распущенных русых локонов на спинку сиденья, и суетливо взмахнув крыльями, выпорхнуло в открытое окно автомобиля.

– Смотрите, Юрий! – запоздало спохватилась Петти, заметив, что ее новая знакомая незаметно сбежала от нее и летит в направлении парадной двери мотеля.

– Похоже, это прекрасное насекомое все решило за вас, я прав, Петти? – настороженно наблюдая за волнообразным полетом бабочки, тихо произнес Юрий.

– Да, выходит так, – согласно кивнула Петти и, вдохнув полную грудь воздуха, решительно толкнула от себя дверь автомобиля.

– Постойте, Петти! – быстро выскочил следом за своей пассажиркой Юрий.

– Да? – вынимая из багажника голубой дорожный чемодан, откликнулась Петти.

– Послушайте, давайте договоримся вот о чем... – близко подходя к Петти, заговорщически прошептал Юрий.

– О чем? – мягко улыбнулась своему добровольному ангелу-хранителю Петти.

– Давайте договоримся так, что если через три дня вы не позвоните мне по этому номеру, – Юрий протянул Петти клочок сложенного листка из своего блокнота, – то тогда я позвоню по тем номерам, что передали мне вы.

– Дэвид, тот, кому вы, возможно, позвоните, его зовут Дэвидом, – покорно принимая последнюю услугу странного русского, озвучила ему Петти имя человека, который еще возможно не забыл о ней.

– Хорошо, я запомню... Дэвид. Ну что же, давайте прощаться, мэм, – коротко кивнул Юрий и робко протянул открытую ладонь Петти. Она слегка пожала его крупную руку и, потупив глаза вниз, смущенно пробормотала:

– Почему вы помогаете мне, Юрий?

Русский осторожно дотронулся кончиками пальцев до шевелящихся на легком ветру волос бывшей пассажирки и теплым голосом произнес:

– Вы чем-то напоминаете мне мою погибшую дочь.

– Удачи вам Юрий, – благодарно улыбнулась Петти русскому и, повернувшись к нему спиной, направилась к входной двери мотеля. Ее новая знакомая уже сидела на отливающей металлическим блеском дверной ручке, и казалось, ждала, пока Петти впустит ее внутрь здания.

За спиной Петти громко завелся автомобиль и следом раздался резкий звук сигнала. Петти обернулась и, обдав сидящего за рулем Юрия ослепительной улыбкой, прощально помахала ему рукой. Водитель кэба послал ей в ответ прощальный «воздушный поцелуй» и озорно подмигнув, захлопнул за собой переднюю дверь.

«Форд-Краун-Виктория» плавно сорвался с места, и быстро набрав скорость, скрылся за зеленым частоколом деревьев и фасадами одноэтажных домов. Петти неподвижным взглядом проводила убегающий вдаль желтый лимон, и грустно вздохнув, обратилась к сидящей на дверной ручке бабочке:

– Вот мы и на месте, крошка!

Открыв дверь, Петти решительно ступила через порог и оказалась внутри небольшого, но довольно уютного холла. Справа от парадной двери находилась полукруглая стойка, выполненная из вишневого дерева, а слева у противоположной стены стоял шикарный диван, туго обтянутый крашенной буйволиной кожей. Полы в холле были выложены светло-коричневой паркетной плиткой, удачно контрастирующей со стеновыми панелями в виде кусков искусственного кирпича. В самом конце холла справа находилась открытая дверь, а слева от нее начиналась деревянная лестница с резными перилами, по всей видимости, ведущая на второй этаж в номера. Тихо урчавший над стойкой кондиционер насыщал воздух мотеля прохладной свежестью, а запах свежесваренного кофе, возможно доносившийся из бар-буфета мотеля, навевал приятные ассоциации с уютом и отдыхом.

– Доброе утро. Здесь есть кто-нибудь? – не заметив никого за стойкой, вопросительно воскликнула Петти. На ее голос из открытой двери, выпали двое мужчин зрелого возраста. Один был на вид чрезмерно грузен и имел обрюзгшее заросшее темной щетиной лицо и солидный «пивной животик». Одет толстяк был в мешкообразные синие джинсы с черными подтяжками и в старую рубаху в красную клетку. Его бесформенную грубо отесанную голову покрывала коричневая шляпа с широкими потертыми краями. Он совсем не напоминал хозяина мотеля и был больше похож на простого деревенского фермера или водителя дальнобойных машин.

Второй мужчина по внешней фактуре являлся полной противоположностью первому и был высок, подтянут и строен. И хотя он был уже не молод, но во всем его облике чувствовалась какая-то аристократическая утонченность и благородная красота, которая неизменно привлекает всех женщин независимо от возраста и положения. Убеленный сединами красавец был облачен в летнюю униформу полиции штатов и на его груди тускло поблескивал пятигранный значок шерифа. Увидев Петти, он слегка приподнял на своей голове черную шляпу и, попыхая зажатой сигарой, приветливо поздоровался с ней:

– Доброе утро, мэ.м.

Увидев полицейского, Петти как можно шире натянула на лицо дежурную улыбку и слащавым восторженным голосом, пропищала:

– Добрый день, сэр...э-э-э....

Сохраняя горделивую осанку и по-журавлинному вытягивая ноги, пожилой dandy пересек холл и с важным видом протянул холеную кисть Петти.

– Джон Гербрахт, меня зовут Джон Гербрахт. Я шериф местной полиции и если вам вдруг потребуется моя помощь, то я всегда к вашим услугам.

– Петти, Петти Чарли. Рада познакомиться с вами, сэр Гербрахт, – опасливо дотрагиваясь до холодных белых пальцев главы местной полиции, восторженно пропищала Петти.

– А этого рыхлого добряка зовут Дэн Хэчт. Он хозяин этого замечательного мотеля и мой старинный добрый друг, – указав пальцем на расплывшегося на стойке сумрачного толстяка, произнес шериф. Судя по его вальяжным раскованным манерам, он был здесь частым гостем и находился на «короткой ноге» с хозяином мотеля. Пока шериф знакомился с Петти и расточал ей любезности, апатичный нетипичный хозяин мотеля скучающим отстраненным взором разглядывал свою новую гостью.

– Надеюсь, вы добрались до нас без особых проблем и дорожных приключений? – продолжал атаковать опешившую Петти, настойчивый шериф. Его немного вытянутое красивое лицо сияло лучезарной улыбкой доброго христианина, а немного экзальтированный хриловатый голос в первую минуту знакомства внушил Петти утопическую мысль о встрече с первым в ее жизни «отличным парнем» в костюме «копа». Но стоило ей на секунду окунуться в омут его холодных змеиных глаз, как тут же ее мимолетное наваждение испарилось подобно облаку свежесваренного кофе. Невольно подавшись назад, Петти нервно поправила упавший на глаза локон и с растерянной многозначительной улыбкой посмотрела на умирающего от скуки хозяина мотеля.

– Эй, Джон, ну хватит уже стучать копытами! Дай девушке прийти в себя после долгой дороги, – проявив неожиданную для своего заскорузлого грубого облика, догадливость, нетерпеливо оборвал Дэн Хэчт своего навязчивого друга.

– Да, в самом деле, что-то я и вправду заболтался, – наигранно смутился импозантный «коп» и картинно взмахнув руками, открыл Петти дорогу к стойке reception. – Прошу вас, Петти, располагайтесь и сполна наслаждайтесь животворящим отдыхом. А мне, пожалуй, пора!

– Я тоже так думаю, Джон, что тебе уже пора, – бесцеремонно указал хозяин мотеля на дверь местному главе полиции.

Хлестко щелкнув каблуками по паркету, шериф с ловкостью балетного танцора развернулся на месте и неторопливым шагом влиятельного человека, направился к выходу.

Дэн Хэчт проводил своего друга насмешливым взглядом, и когда за ним затворилась дверь, вкрадчивым таинственным голосом посвятил Петти в частную жизнь главы полиции.

– Джон самый опасный человек в этом городе, мэм.

– Почему вы так считаете? – легко перестроившись на волну местных светских сплетен, вопросительно приподняла тонкую бровь Петти.

– Стоит какой-нибудь красавице зазеваться, как мой друг Джон тут как тут! А когда он вытаскивает из кобуры свой револьвер, то считай, бедняжка пропала, – двусмысленно изъяснился о пикантных особенностях поведения местного шерифа хозяин мотеля.

– Да, а с виду и не скажешь, что ваш друг «ходок». Пожалуй, он больше похож на верного приверженца Христа, – притворно закатила Петти глазки кверху, при этом потешаясь про себя над глуповатой комичной рожей хозяина мотеля.

– Поэтому, мэм, мой вам совет: дважды подумайте, прежде чем обращаться за помощью к старине Гербрахту. Не то ваш кратковременный отдых в моем чудесном отеле превратится для вас в сплошной сексуальный кошмар, – выдал Петти устную инструкцию по безопасности добровольный радатель за чистоту нравов.

– Что-то сдается мне, что вы специально набиваете рекламу вашему потертому шерифу. Не дурите мне голову сэр Хэчт, я уже давно взрослая девочка и сама знаю с кем и как мне разговаривать, – интуитивно угадав в угрюмом простоватом хозяине мотеля, отпетого «подкаблучника» и тайного садомазохиста, фамильярно ткнула его длинным ногтем в сморщенный лоб, Петти.

– Как скажете, мэм... – внезапно охолонувшись от скользкого никчемного бреда, пришел в себя хозяин мотеля. Нагнав на себя самый серьезный вид, он грохнул об стойку толстым журналом записей и, открыв его на середине, грубым голосом буркнул:

– Вы забронировали у нас номер на три дня. Суточная стоимость номера 150 \$ в сутки. Итого сумма проживания вместе с завтраком составит 500 американских денег.

– Милейший, вы в своем уме, за что я должна буду отвалить такую сумму, уж не за этот ли средневековый «клоповник»? – не веря своими ушам, ошалело выпалила Петти.

– Мэм, я что-то не пойму, зачем тогда вы, извините, приперлись в этот так называемый «клоповник»? Вы же знаете, что если вы отмените бронь, то ваше место сегодня же займет другой клиент, который не пожалеет каких-то жалких пяти сотен за самые незабываемые впечатления в своей жизни, – как будто бы даже обиженный словами Петти, перешел с места в атаку хозяин мотеля.

– О каких на хрен впечатлениях вы мне тут говорите, милейший? Да за эти самые, как вы говорите, жалкие пять сотен «баксов» я могла бы снять хороший отель в любом штате и проживать в нем не меньше недели. А в вашей гребаной норе, могу поспорить, нет ни кабельного телевидения, ни Интернета, а возможно, нет даже телефона. Так за что же вы мне прикажете платить мои жалкие 500\$? – не отличавшаяся скабрёзным характером и, не будучи скрягой, все же не на шутку разошлась Петти.

– Вы меня обижаете, мэм! – сраженный ответной контратакой Петти, скукожился до размера футбольного мяча Дэн Хэчт. – У нас есть в мотеле свой телефон.

– Что, это правда? Не может быть? – стрельнула язвительным взглядом Петти по рыхлой морде хозяина мотеля.

– Как... как же вы тогда смогли бы до нас дозвониться, мэм, если бы у нас не было своего телефона? – чуть не плача, гнусаво промычал небритый «бегемотик».

– Да, точно. Хм, вы правы, – немного сбавила темп контратаки Петти и бессильно повисла на стойке.

– У нас в меню отличный английский завтрак и самые настоящие непродуманные привидения, – переждав словесную бурю зубастой клиентки, со слабой надеждой просипел хозяин мотеля.

– Тоже мне Island hotel! – небрежно фыркнула Петти и скупающим взглядом уставилась в окно.

– Ну, если у вас такие высокие запросы, мэм, то зачем вы подались в нашу «дыру»? Вы могли бы, например, съездить в Миннеаполис, и полюбоваться красотами водопада Миннигага или, к примеру, посетить национальные заповедники Войеджерс и Маяк Сплит-Рок, – с потухшим энтузиазмом в голосе, выдохнул хозяин мотеля.

– В Миннеаполисе я уже была, а по заповедникам я еще в возрасте скаута набродилась, – без интереса ответила Петти и видимо все же, решившись принять условия заселения, устало тряхнула головой. – Ладно, что вы там говорили про привидений.

Дэн Хэчт, мгновенно преобразившись, радостно прихлопнул ладошами и снова прильнул к книге записей.

– Вам у нас очень понравится, мэм! – тщательно прицеливаясь черным карандашом в свободную строку, почти пропел высоким тенором, Дэн Хэчт. – Моя жена готовит отличный английский завтрак, а здешние привидения точно не дадут вам заскучать эти три дня. Это я вам обещаю, мэм, это я вам обещаю!

В это время из двери за стойкой вышла дородная пышноволосяя женщина средних лет и низковатым грудным голосом поприветствовала очередную посетительницу:

– Доброе утро, мэм! Я так рада, что вы решили остановиться именно в нашем мотеле!

Поправляя на ходу пышную копну черных волос, она уточкой подплыла к стойке и буквально за секунду околдовала Петти обворожительной улыбкой добропорядочной американки.

Несмотря на некоторую полноту, женщина была не дурна собой и ее длинное белое платье, усыпанное синими цветами, выгодно подчеркивало аппетитные округлости ее фигуры.

– Доброе утро, мэм. Рада нашей встрече. Зовите меня Петти, Петти Чарли, – смахнув маску меланхолии с лица, открыто улыбнулась в ответ Петти.

– А я Аманда, Аманда Хэтч, – охотно представилась женщина. Ее тридцать два обычных и один мудрый зуб были белы, как первый снег и блеск, издаваемый этими крепкими металлокерамическими зубками, развеял последние остатки недовольства Петти.

– Так вы муж и жена?! – не сдержавшись, полюбопытствовала она и с возросшим уважением посмотрела на запущенного тьюфяка Дэна. Статус женатого мужчины несколько повысил его оценку в глазах Петти.

«Если у этого глуповатого болвана такая приятная в общении и внешне опрятная жена, то он еще имеет пусть и не большой, но шанс называться гражданином нашей страны», – так подумала Петти. Но отпетый «подкаблучник» и, возможно, тайный мазохист Дэн Хэтч не смог прочесть ее мысли и это радовало порядком утомленную затянувшимся оформлением, Петти.

– Да, мэм, Аманда моя жена! – гордо выпятив отвисшую грудь, с заметной теплотой в голосе произнес хозяин мотеля.

– Дорогой, мне послышались крики, ты грубил нашей милой гостье? – не отводя от Петти сверкающих спелых маслин, хищно клецнула острыми зубками Аманда Хэтч.

– Что ты, дорогая, тебе, верно, послышалось, – испуганно подмигнув Петти, сократился вдвое шелковый муж Аманды.

– Так почему, ты так долго держишь мисс Петти на пороге? – незаметно ущипнув мужа за бабью ляжку, слащавым голоском прошелестела Аманда.

– Нет, что ты, дорогая, я уже закончил оформление и теперь мисс Петти, может спокойно подняться в свой номер, – ощутив болезненный «гусиный щепок», тихо охнул Дэн Хэтч. Молниеносно заполнив книгу, он спрятал ее под стойкой и, сняв со стены связку ключей от номера, передал ее Петти Чарли.

– Возьмите, ваши ключи, мэм. Номер вашей комнаты десятый. Вам помочь донести багаж до комнаты? – мячиком выкатившись из-за стойки, любезно предложил услуги носильщика хозяин мотеля.

– Остыньте, сэр Хэтч, мой полупустой чемодан не доставляет мне хлопот, – сразу отказалась Петти от сервисного подхалимажа «подкаблучника» Хэтча.

– Помогите мне лучше в буфете, милый! – ухватив мужа за шиворот ветхой рубашки, коротко, но убедительно хохотнула Аманда. – Я сама провожу нашу гостью наверх.

Судя по бескомпромиссному командному обращению Аманды со своим мужем, он не был настоящим хозяином мотеля. Настоящим хозяином мотеля была его приветливая «простушка», а в душе железная леди Аманда Хэтч. И это неожиданное открытие искренне порадовало Петти Чарли, с некоторых пор считающей всех мужчин похотливыми эгоистичными козлами и недоумками.

Муж молниеносно растворился за открытой дверью, ведущей в буфет, а Аманда, без лишних церемоний выхватив чемодан из рук Петти, повела ее на второй этаж. Поднимаясь по скрипучей лестнице вслед за грузной хозяйкой, Петти не упустила очередной шанс съязвить по поводу явного запустения мотеля.

– Да, кстати, что-то я не вижу, толпы посетителей, вламывающихся в ваш знаменитый отель! – язвительно заметила она в адрес Аманды.

– Сегодня к нам уже заселились трое посетителей, но на завтра у нас забронированы еще три номера, – не заметив или сделав вид, что не заметила мелкой колкости гостьи, охотно ответила Аманда.

– И где же они, позвольте узнать? – не унималась Петти.

– У вас комната под номером десять, а в девятую заселились двое молодых японцев. Кроме этого в шестую въехал молодой латинос. Да и, насколько мне известно, все трое сейчас на прогулке, – терпеливо огласила Аманда не густой список вновь прибывших.

– Может они предпочли незаметно съехать из вашего уютного гнездышка в соседний мотель? – использовала последнюю ядовитую стрелу из своего богатого арсенала, Петти.

– Что вы, мэм?! – вдруг выронив из рук чемодан, не на шутку возмутилась Аманда. – О чем вы говорите? Спросите у кого угодно в городе, и любой вам скажет, что у Трента Соренсона самая грязная лачуга в штатах. И ее не то, что бы мотелем, сараем для скота назвать трудно!

– Ладно, ладно, Аманда, простите меня за резкость и прямоту. Я совсем не хотела вас обидеть, – почувствовав, что незаслуженно обидела добрую хозяйку, примирительно взяла ее за руку Петти.

– Да ничего, я не обиделась мисс Петти. Просто я хочу вам сказать, да у нас немного дороже проживание и услуги, чем скажем в обычном мотеле, но уже через день вы убедитесь в том, что это того стоило. И пусть у нас отсутствуют в перечне услуг все эти необходимые современные штучки типа Интернета и кабельного ТВ, но зато у нас есть то, чего точно нет у других, – искусно замаскировав досаду, оперативно и самое главное вовремя, развернула Аманда интригующе-заманчивый рекламный проект.

– Привидения, я права? – разобрав сквозь прозрачную кальку намеков уже всплывавшую сегодня тему, сразу догадалась Петти.

– Скоро вы сами все узнаете, мисс Петти, – поставив чемодан на пол у двери под номером десять, таинственно прищурила свои темные глаза Аманда. В это мгновение, мелькая распущенными парусами крыльев, по узкому коридору метнулась тень летящей бабочки, после чего круто спикировав, она плавно приземлилась на левое плечо Петти.

– Ой, а Монарха тоже заселять будем? – мгновенно позабыв о продолжении рекламной акции, по-детски восхитилась Аманда.

Петти, ощутив на своем лице бархатную нежность крыльев, блаженно улыбнулась и прошептала:

– Да, крошка прибыла со мной. Надеюсь, вы не будете возражать, если мы проживем с ней вместе в одном номере?

– Что вы, живите сколько вам угодно. У нас в Бэгли Монархов не обижают! – умиленно глядя на колыхающийся небесный цветок на плече Петти, легко согласилась Аманда.

– Спасибо вам за помощь, Аманда! – от души поблагодарила Петти хозяйку мотеля и протянула ей новую пятидолларовую купюру.

– Уберите, мисс Петти, я прошу вас, – протестующим жестом отвергла щедрые «чаевые» Аманда и мягко пожав ее руку чуть выше предплечья, направилась обратно к лестнице.

– Да, мисс Петти, прошу вас, не пропускать утренний завтрак. Ровно в 7-00 я готовлю отличный английский завтрак, – уже сходя вниз по лестнице, выдала Аманда запоздалый рекламный «slogan».

Подождав, когда стихнут грузные шаги услужливой хозяйки мотеля, Петти вставила ключ в замочную скважину и немного помешавшись, отворила дверь своего номера.

Тобари ни

Войдя внутрь, Петти бросила на пол чемодан и, затворив спиной дверь, оценивающим взглядом «отсканировала» номер. В глубоких озерах ее глаз, словно в зеркале, отразилась гиперболически искривленная в вакууме пространства, клетка, украшенная строгой симметрией японского Востока. Центр этого импровизированного островка Японии венчал круглый стол, покрытый серой льняной скатертью, на котором скромно возвышалась бумажная ваза, наполненная искусственными белыми хризантемами и мелкими разноцветными камешками. Над центром стола низко свешивался японский тетин, прикрепленный к потолку тонкой бамбуковой спиралью. Его красный цилиндрический абажур породил у Петти дымчатую тень аллегории, связанную с куском зимнего солнца, выплывающего из студеного моря ранним утром и дающего своим светом надежду замерзающим в саду камней белым хризантемам.

Слева от стола над широкой двуспальной кроватью треть стены занимал рассыпавшийся полукругом голубой бумажный веер, испещренный черными пауками иероглифов и аскетичным черно-белыми образами суйбокуги. Справа, прямо напротив комода с вертикальной призмой зеркала, стену украшала большая картина, заключенная в бамбуковую желтую рамку. Она была выполнена в лучших традициях стиля укие-э и определенно обладала мощной харизмой, что сразу интуитивно уловило сверхчуткое сознание Петти Чарли. Обойдя гору Фудзияму, увенчанную спящими хризантемами и ткнув пальцем в овальный красный бок спящее зимнее солнце, Петти вплотную приблизилась к картине и с бьющимся от волнения сердцем, принялась жадно слизывать глазами застывшую магму восточной мистики.

Впаянный в клочок полотна стусок души, сконцентрировался в изображении хрупкой японской девушки, облаченной в траурную мофуку, стянутую красным поясом оби и запахнутую на левую сторону. Ее белое восковое личико хранило отпечаток глубокой тоски и скорби, а маленький рот, похожий на небольшой цветок, надломился в немом плаче. Густо подведенные черной тушью глаза девушки были закрыты, а из их стреловидных уголков непрерывно струились две тонкие красные струйки слез. Сидя на низком деревянном мосту, она купала изящные голые ножки в реке, наполненной темной влагой. За спиной скорбящей девушки, в сполохах молочного тумана бродила полная луна, и ее унылый неподвижный взгляд отражался мерцающими искрами на крыльях, распластанной по фиолетовому небу белой бабочки. Бабочка почти, что сливалась с полотном и на первый взгляд являлась невзрачным фрагментом в сдержанной палитре красок, но в то же самое время, Петти показалось, что минует еще одно мгновение и белая бабочка выпорхнет из застывшего квадрата ночной меланхолии.

Она внезапно почувствовала, как на нее нахлынуло знакомое море волнения, в ядовитых обжигающих водах которого, ей однажды довелось искупаться на выставке работ немецкого экспрессиониста Отто Дикса. Как и тогда, в просторных залах нью-йоркского музея современного искусства, она ощутила безграничную жадную потребность вскрыть набальзамированный специями впечатлений дух застывшей в портрете Вечности. Но ее мимолетный еле различимый голос всего за секунду пронзивший все шесть главных чувств Петти, мгновенно испарился в пространстве, оставив кровотокающий отпечаток на ее изломанной душе. Исторгнув из себя похотливый стон, полный болезненного разочарования, Петти нехотя поднялась со дна ядовитого моря скрытого знания и выползла на серый песок обыденного сознания непосвященных.

И если кто и мог утолить ее интуитивную болезненную жажду к познаниям, то только тот, кто в совершенстве владел техникой перемещения бессмертных душ в художественный материализм японской мистики. Возможно, неизвестный мастер скрыл некую тайну в цепочке черных иероглифов вертикально карабкающихся по правой стороне холста? И Петти лишь оставалось слабо надеяться на то, что в этом намертво впечатанном в первозданную природу «медвежьем углу» чудом всплывет искушенный укротитель черных японских пауков.

Художественный экстаз подобно доброй порции новокаина обдал немимым холодом нервные рецепторы Петти, и она ощутила жестокую потребность поскорее выбраться из этой паутины символов и образных значений. Громко скрипя зубами, Петти подалась в сторону брошенного на пол чемодана и с диким остервенением стала рвать на нем металлические застёжки молний. В разные стороны полетели скомканные вещи, туалетные принадлежности и мелкие сувениры. Но Петти, уподобившись роющей нору лисе, продолжала копаться в растерзанном желудке чемодана, ища то, что более всего требовала ее душа в этот момент. И вот, когда на дне чемодана не осталось ни одной вещи, Петти, наконец, нашла, то, что искала и, упав на спину, она облегченно рассмеялась. В ее ладони ярко блеснул пузатый пузырек, до половины наполненный белым кристаллическим порошком. Потревоженная ее счастливым смехом, оранжевая бабочка беспорядочно заметалась по всей комнате, ища для себя спокойное место для сна. Наблюдая повеселевшими глазами за перепуганной крылатой подружкой, Петти голосом циркового дрессировщика бросила ей вслед:

– Крошка, хватит мельтешить почему зря. Пойдем, понюхаем мифедрончика.

Бабочка, как будто бы угадав намерение своей диковатой покровительницы, послушно опустилась на красный тетин и, сложив вертикально крылья, принялась начищать передними лапками вздернутые вверх антенны усов.

– Молодец, крошка. Еще пара моих уроков и ты сможешь рассказать мне, в чем заключается секрет магической силы этой картины, – удовлетворенная удивительной смысленностью насекомого, с наигранным пафосом в голосе воскликнула Петти.

Не вставая с пола, Петти извлекла из кармана джинсов пятидолларовую купюру, и быстро скрутив ее в плотную трубочку, перевернулась на живот. Откупорив пластиковую крышку на пузырьке, Петти осторожно высыпала на деревянный пол немного белого порошка, и ловко разделив содержимое ногтем надвое, вставила в нос конец бумажной трубочки. Шумно вдохнув в обе ноздри по порции белого порошка, Петти выронила из пальцев скрученную купюру и, перевернувшись обратно на спину, блаженно простонала:

– Боже, неужели у меня снова вырастут крылья?!

Крылья выросли, но не сразу и были скорее похожи на жалкие куриные перья, но даже краткой пародии на полет над курятником оказалось достаточно для Петти, чтобы ощутить знакомый вкус свободы и надежду на бессмертие. Томно прикрыв глаза, Петти услышала, как быстро забило в ее груди сердце, с растущей энергией перегоняя через плотину аорты реку, загустевшую крови. Окропленное живительной красной влагой зачахшее дерево жизни распрямило свой согбенный стан и жадно потянулось зеленеющими гибкими ветвями к раскаленному диску солнца. Жар его согрел озябшую душу Петти, и она на время позабыла о своей главной роли в трагедии, сотворенной ее же руками.

Прекрасная штука-забвение отдел суетных, ведущих всех нас к общей могиле, но в компании с персональным для каждого одиночеством!

Поймав попутный ветер, Петти с опытностью профессионального дельтапланериста, набрала с места скорость и взмыла над пестрым одеялом земли, заляпанным грязными пятнами городов. Они остались там, внизу и их невыносимый смрад разложения не раздражал больше парящую в небе Петти. Это была всего лишь краткая иллюзия мечты, но кто, побывав здесь хотя бы один раз, не пожелал бы вернуться сюда вновь? Петти многократно испытала на себе это мимолетное, разъедающее душу счастье и уже не раз поплатившись за это жесткими посадками и опустошающими депрессиями, она все же не переставала бредить об очередном полете. И пока продолжался этот головокружительный фантастический полет, Петти жила и без остатка отдавала всю себя капризному и непредсказуемому потоку экзистенции.

Глуловато хихикая, Петти стянула с себя надоевшие узкие джинсы и черные кружевные трусики. Затем, встав на колени, она сдернула через голову помятую белую блузку и сорвала с плеч бретельки бюстгалтера. Томно проведя ладонями по упругим изгибам бедер, Петти

запустила нервно подрагивающие пальцы себе в промежность и стала медленно водить ими по набухшим розовым лепесткам. Стон неукротимого вождения сломал ее красиво очерченный пухлый ротик, а серые миндалевидные глаза налились тьмой сладострастия и муками возрождения. Поглаживая свою высокую белоснежную грудь, облагороженную аккуратными розовыми сосками, Петти стала страстно нашептывать строки из эротической танки Рубоко Шо:

*– ...В укусах твой рот.
А некогда пышная грудь.
В царапинах от когтей.
Ты вскрикнула, найдя рукою жезл.
И снова тишина.
Глубокая.
Ни звука.*

Чем быстрее приближалось извержение пылающего раскаленной страстью вулкана, тем все больше вождела Петти бесконечности наслаждения и пожара любви. Высунув изо рта змеиный язычок Петти слизала им с губ, струившиеся капли прозрачного пота и не в силах более сдерживать захлестнувшие ее с головой сладостные эмоции, издала протяжный мучительный стон, полный невероятного удовольствия и удовлетворения от свершившегося. Извергнутый ее извивающимся телом терпкий сок любви оросил ладонь Петти и она, с наслаждением размазав его по своим роскошным бедрам и плоскому животику, капризно простонала:

– Боже, как я хочу трахаться. Ну, трахните же меня, кто-нибудь?

Внезапно Петти захотелось остановить безжалостное время и продлить краткие мгновения счастья. Она затаила дыхание и, прикрыв глаза, попыталась представить, как ее разгоряченное тело охватывает приятное оцепенение и она превращается в муху, впаянную в янтарный кристалл воздуха. Но неумолимый шепот секунд, тающих на стрелках настенных часов, не позволил ей приобщиться к обжигающему льду Вечности. Открыв глаза, Петти неподвижным взглядом стала наблюдать, как с траурным шелестом падают с потолка рваные хлопья серого пепла. Капли пепельного дождя смешались с ее солеными слезами и превратились в черную реку отчаяния, утопив очередную надежду Петти на бессмертие после мертвого сезона земной жизни.

– Крошка, где ты? Ты слышишь меня, крошка? – размазывая по щекам чернильные слезы, сиротливо всхлипнула Петти и протянула к сидящей на фонаре бабочке дрожащие ладони. словно услышав внутреннюю мольбу Петти, бабочка пружинисто оттолкнулась лапками от поверхности остывшей красной планеты и послушно приземлилась на ее влажную ладонь. Петти осторожно приблизила к своим глазам колыхающийся небесный цветок и, обдав его легким дыханием, еле слышно прошептала:

– Как хорошо, что теперь у меня есть ты!

Бабочка ответно пошевелила длинными темными усиками и, взмахнув оранжевыми парусами крыльев, вернулась обратно на красный тетин.

Волшебство завершилось, так и не начавшись. Добрый волшебник спрятал в ящик свой давно обещанный, но так и не показанный сюрприз и, не прощаясь, скрылся в бесформенных складках тумана. И, как обычно, снова было не жаль мириады истлевших в огне времени секунд. И, как обычно, было наплевать на все, и было не страшно умереть. И обида, горькая обида за очередной обман значила больше, чем желание жить. И снова оставалось лишь слепо надеяться на то, что рано или поздно все свершится и не нужно будет больше умываться

пепельными слезами и молить механические часы остановить свой безжалостный бег. Пограничное состояние.

Пепельный дождь... Ожидание... Пограничное состояние. Пепельный дождь.

Ожидание...

Петти нехотя стяхнула с себя остатки наваждения и, встав на ноги, с обреченным видом подошла к зеркалу. Окунувшись взглядом в его разверзнутую вывернутую пасть, она рассмотрела свою искаженное «Я», политое серебряным расплавленным песком. Из потустороннего зеркального мира на нее безразлично глядела вдавленная между двух атомов O₂, сероводородная машина с мерно тикающим часовым механизмом в груди. В голове машины нервно пульсировало жидкое серое вещество, источающее непрерывный ток мыслей. Мысли сплетались в шевелящиеся телефонные провода, тянущиеся своими оголенными концами к остывшему красному светилу. Глубоко внутри него, под толстой ледяной корой, что-то жило и шевелилось. Оно не имело голоса и слуха, но все же оно жило. Это что-то и было Петти Чарли: ее сознанием и ее персональной частицей, заключенной в плен обманчивых иллюзий и ложных представлений о ложном мире. Ощущение невыносимого одиночества острым скальпелем полоснуло по сжатому мускулу ее сердца и, не выдержав боли, Петти окунула голову в кипящую поверхность зеркала. Оттуда, из Бездны ей пахнуло в лицо inferнальным холодом и мраком параллельных пространств, дороги к которым еще не нашел ни один смертный. Скользкие тени обитателей здешних мест, почуяв биение часов в груди позабывшей об осторожности, машины, потянулись к ней скрюченными щупальцами. Петти вовремя осознала всю неуместность своего присутствия в зеркальном лабиринте и молниеносно отпрянула назад, усыпав комнату каплями расплавленного серебра. Содрогааясь от болезненных укусов ужаса, она обхватила себя руками за плечи, и дробно постукивая зубками, направилась в душевую.

Упругая струя горячей воды немного привела ее в чувство и освежила затуманенное мифедроном сознание. Омыв свое утомленное после дороги тело, Петти замоталась в широкое розовое полотенце и вышла из душа. Заметив, на подставке в левом углу комнаты громоздкий старый радиоприемник марки Corvette Dash Tube, Петти удивленно усмехнулась и силой мысли заставила его включиться. Раритетная рухлядь, возмущенно прокашлявшись от пыли, забившей динамик, голосом Эми Гудман возвестила начало очередного выпуска передачи Demoscasy pow. Услышав настойчивый голос скандально знаменитой общественной активистки, Петти возмущенно вскрикнула:

– А ну-ка, мистер Radiohead смени быстрее пластинку, пока я не настучала по твоему квадратному лакированному черепу!

Старый радиоприемник, недовольно поскрипев, покопался в американских радиоархивах и, перестроившись на волну Depressive Metal Rock Radio, издал душераздирающий вопль зубодробильного angry-metal.

– Вот, можешь же, когда захочешь, – получив успокоительную звуковую инъекцию от группы Pantera, удовлетворенно хмыкнула Петти. Помимо раритетного радио, Петти обнаружила в номере не менее древний холодильник фирмы Amana-20. Радостно взвизгнув, она с разбегу обняла его руками и смачно поцеловала в обшарпанную дверку. Порыв нежной радости оправдал себя и, отворив запечатанные ворота Рая для земных обжор, Петти обнаружила внутри большую бутылку Coca-cola, две маленькие «минералки», несколько свежих сэндвичей, плотно завернутых в пищевую пленку и запечатанный пакет молока. При виде такого богатства Петти почувствовала острый приступ голода и недолго думая, она сграбастала в кучу сэндвичи, пачку молока и бухнулась на мягкую поляну кровати. Откупорив пачку с нарисованной мордатой коровой и развернув один из сэндвичей, Петти с жадным аппетитом принялась за еду.

– Признаться порадовали вы меня сегодня, ребята! – обращаясь с набитым ртом к ревущему металлической луженой глоткой радиоприемнику и щедрому холодильнику, довольно пробубнила Петти.

Утолив голод, она бросила на пол початую пачку из под молока и, смахнув с прикроватной тумбы кипу пожелтевших от времени газет, без особого интереса развернула одну из них. Это был номер еженедельной газеты St.Paul Pioneer Press за сентябрь 1960 года. Первую полосу газеты занимал жирный заголовок с кричащим названием «Убийца с Христом в руках». Под заголовком шла обширная статья, посвященная священнику англиканской церкви Жаку Лурье. Но более чем достаточно на сегодня наслушавшись о кровавых «подвигах» французского еврея Лурье, Петти не стала читать статью и лишь ненадолго остановила внимание на черно-белой фотографии священника, сделанную незадолго до его исчезновения. С некачественно распечатанного фотопортрета на Петти спокойным уверенным взглядом смотрел сквозь время сорокалетний мужчина в черном галстуке и белой рубашке. В левой руке он сжимал пучок свежесорванных хризантем, а пальцем правой руки, почему-то, показывал вверх. В самой фотографии не было ничего необычного, кроме этого непонятого жеста Лурье, но Петти вдруг явственно ощутила, как внутри нее что-то неприятно зашевелилось. Возможно, это был страх, страх перед неизвестностью и непониманием поступков других людей.

Отложив St.Paul Pioneer Press, Петти взяла очередную газету и, судя по названию, ею оказалась Minneapolis Star Tribune за 1960 год, сентябрьский номер которой также был отчасти посвящен убийце Лурье и кроме этого один лист газеты полностью занимали фотографии из личного архива Лурье. Не зная почему, Петти стала внимательно рассматривать фотографии, пытаясь найти в них нечто необычное. Но нет, это были ничем не примечательные фото разных лет и на каждой из них был запечатлен определенный эпизод из жизни Жака Лурье. На одной из фотографий он был еще совсем младенцем в окружении любящих родителей и друзей семьи. Далее следовала фотография, где он, будучи уже зрелым юношей был запечатлен напротив здания медицинского университета с кипой объемистых книг и тетрадей в руках. И возможно, одна из этих тетрадей и была тем самым дневником, таинственно канувшим в архивах спецслужб. Это была единственная фотография, на которой Жак улыбался. Кто знает, может в этот самый момент он мечтал о поцелуе своей тайной возлюбленной Ариэлы?

Но, пожалуй, самой интересной была фотография времен его службы в американском военно-морском флоте США. На этом фото Жак Лурье в мундире младшего капрала морской пехоты стоял навытяжку перед офицером, вручающим ему Медаль Почета за подвиг, совершенный во время битвы за Иводзиму. Здесь он был уже наполовину тем, каким его помнит большинство до сих пор: Зверем, поднявшимся из Бездны и мрачным творцом Зла, обогатившим красочную палитру мира извращенными сюжетами смерти.

Рассматривая лицо Лурье на фотографии, Петти отметила про себя, что он совсем не был похож на серийного убийцу. Приятная внешность и широкая открытая улыбка делали его похожим на классического американского героя с обложки агитационного плаката. Он и был этим героем, по-крайней мере, в общественной жизни. Бакалавр медицины, боевой «морпех» и самоотверженный миссионер, не побоявшийся уехать в чужую враждебную страну на долгие семь лет. Почему, человек с такой безупречной биографией, как Жак Лурье, превратился в чудовище и стал убивать ни в чем не повинных женщин и девушек? Что случилось с ним в Японии, и кем был тот странный монах, ставший его наставником?

Петти поймала себя на мысли, что слишком много думает о Жаке Лурье и решила положить этому конец. Содрогаясь от омерзения, она скомкала газету в плотный шарик и, не целясь, метнула его в пластиковую корзину, стоявшую у самой двери. Описав дугу, бумажный шарик отрикошетил от квадратного обода ведра и ударился о лакированную панель орущего радиоприемника. Громко поперхнувшись на очередном забойном риффе, старое радио испуганно замолчало. Петти, не ожидавшая такого эффекта от неудавшегося баскетбольного

броска, удивленно присвистнула и, спрыгнув с кровати, подобрала лежащий на полу бумажный шарик.

– Извини, приятель, я не специально, – виноватым тоном обратилась она к настороженно молчавшему радиоприемнику и попыталась реанимировать скомканную газету. Но едва она развернула ее, как с помятых страниц ей под ноги посыпались маленькие черные буквы.

– Ой, что за чертовщина! – с изумлением наблюдая, как сыпятся со страниц целые заголовки и статьи, не на шутку всполошилась Петти. Растерянно помяв в руках пустые газетные листы, она крепко зажмурилась, а потом снова открыла глаза.

– Какая дрянь оказывается этот мефедрон! Говорила я Келли не покупать всякое дерьмо. Меня ведь даже от кокса так никогда не вставляло! – списав свое нелепое видение на эффект, вызванный применением психостимулятора, ошалело пробормотала Петти. Сбежавшие из популярного «еженедельника» буквы, почувствовав свободу печати, начали быстро расплзаться по всей комнате. И вскоре вся эта армия разноцветных закорючек буквально заполонила все пространство комнаты, посеяв кругом анархию и беспорядок. И мало того, каждая буква издавала характерный для ее значения звук. Буква «а», словно заведенная пищала «эй». Буква «д» жужжала, как майский шмель «джи». Буква «г» рычала собакой «р-р-ры». И вся эта многоголосая какофония звуков показалась такой невыносимой для слуха Петти, что она крепко зажав ладонями уши, громко закричала:

– Заткнитесь, маленькие гадкие закорючки! Не то я возьму пылесос и всех вас отправлю в мусорный бак.

Психическая атака Петти возымела положительный эффект и над алфавитной армией закорючек нависла немая напряженная тишина. Обрадованная послушностью букв, Петти добавила мягким голосом:

– Если обещаете впредь слушаться меня, то я разрешу вам жить в шкафу и под кроватью. Но только не смейте снова кричать и бегать по всей комнате. Договорились?

Буквы, молча, выстроились густой колонной и послушно переместились под кровать.

– Вот так вот! – довольно прищелкнула языком Петти. – Надеюсь, мы с вами неплохо поладим.

Разобравшись с шумной печатной братией, Петти решила привести себя порядок и выдвинуться на экскурсию по близлежащим окрестностям. Для начала она высушила феном мокрые волосы и, смазав лицо защитным кремом, стала искусно накладывать сверху макияж. Зеркало, увлеченно наблюдая за ее стараниями, постаралось больше не огорчать Петти, и представила ее такой, какой она привыкла себя видеть в лучшие дни своей жизни. А именно, ослепительно красивой, немного загадочной и недоступной для незнакомых мужчин. Разглядывая свое отражение на зеркальной стене, Петти осталась почти довольна тем, как она выглядит. Ее лишь смущали легкие тени под глазами, делавшие ее несколько утомленной и несчастной.

– Ну как я тебе, стекляшка?! – наморщив чуть вздернутый носик, высокомерным тоном обратилась она к зеркалу.

В ответ на вопрос Петти на зеркальной глади появились широкие круги, а следом из зеркала высунулась изящная женская рука. Рука приблизилась к лицу Петти и быстрыми легкими движениями поправила пару локонов, непринужденно спадающих на ее хрупкие плечи. Когда рука хозяйки параллельного мира исчезла по ту сторону зеркальной стены, Петти сбив гордыню, кротко прошептала:

– Спасибо!

С удовольствием рассматривая в зеркале свою обольстительную фигуру, Петти неторопливо натянула на свои стройные бедра белоснежные трусики танга и запечатала спелые ядрышки упругих грудей в мягкие чашечки бюстгалтера. Белые джинсы с заниженной талией от Just cavalli, цветастая блузка из полупрозрачного шифона и черные туфли на вывернутой

шпильке от Nina Ricci превратили ее в настоящую роковую красавицу, случайно занесенную ветром в эту Богом позабытую «дыру».

Сомкнув на поясе серебряную пряжку широкого ремня, Петти накинула на плечо желтую сумочку из змеиной кожи и весело подмигнула своему одухотворенному отражению. Отражение ответило ей оптимистичной улыбкой, вдохнув в Петти надежду на удачный день и отличный вечер.

– Эй, вы, буквы-корявки, сидите здесь тихо до моего возвращения, не то сами знаете, что я с вами сделаю, – направляясь к двери, строгим голосом напутствовала Петти, робко выглядывающих из под кровати газетных беглецов. Буквы ответили своей избавительнице хором нестройных звуков, тем самым пожелав ей хренового дня и препоганейшего вечера. Но Петти уже не слышала, о чем щебечут ей вслед коварные закорючки. Затворив за собой дверь, она скользила по светлому тоннелю коридора навстречу мраку неизвестности, уже раскинутому на ее пути смертельные сети.

Спустившись в пустующий прохладный холл, Петти окликнула хозяев мотеля: – Аманда, Дэн, можно вас на минуточку?!

Но никто не откликнулся на зов Петти, и она сама решила поискать пропавших хозяев. Цокая шпильками по паркету, Петти вошла в приоткрытую дверь бар-буфета и с любопытством осмотрелась по сторонам. Бар-буфет представлял собой довольно просторное помещение, заставленное низкими круглыми столиками и плетеными стульями. Напротив входной двери находилась барная стойка и широкая стеклянная витрина, заставленная легкими освежающими напитками и неказистыми сухими закусками. За барной стойкой спиной к Петти стоял невысокий лысый мужчина в черной рубашке и неторопливо протирал белой ветошью хрустальный фужер из под вина. Решив, что это, по-видимому, один из служащих, Петти немного фамильярным тоном окликнула мужчину за стойкой:

– Эй, приятель, ты случайно не видел хозяев?

Но, тот, к кому она обратилась, проигнорировав ее слова, как, ни в чем не бывало, продолжал заниматься своим делом.

– Ты оглох приятель или как? – с растущей досадой в голосе снова окликнула Петти невежливое служащего.

Но и в этот раз он никак не прореагировал на Петти и она, потеряв терпение, подскочила к стойке и настойчиво ткнула молчаливого служащего пальцем в спину. Лысый мужчина, почувствовав укол острого ногтя, нервно вздрогнул и, выронив из рук хрустальный бокал, резко повернулся всем телом к Петти.

То, что случилось после, полностью выбило Петти из колеи. Вместо лица незнакомца, она увидела вытянутую кожаную маску без глаз, ушных раковин и носа. И всю нижнюю часть этой живой маски занимал огромный уродливый рот, утыканный острыми, как иглы черными зубами. Хищно оскалившись, монстр в облике человека вцепился худыми жилистыми руками в стойку и издал утробный булькающий хрип.

– Goddamn it, ни хрена себе хлеборезка! – от неожиданности роняя на пол сумочку, с неподдельным ужасом в голосе, выдохнула Петти.

Мерзкий зубастик, клацающая нечищеными зубками, слепо уставился на дрожащую от страха Петти, и казалось, собирался съесть ее, не отходя от кассы.

– Аманда, Дэн помогите мне, прошу вас! – полностью теряя контроль над собой, заверещала диким голосом Петти.

Служба девять один местного значения появилось как раз вовремя, так как, возможно, еще немного и свеживымытую тушку Петти распотрошил бы зубастый слепец из Ада. На шум и крики в бар-буфет буквально влетела запыханная и растрепанная Аманда Хэчт и сходу набросилась на яростно верещавшего за стойкой монстрика.

– Dio mio, perche siete così fa paura il nuovo pigionante, scherzo! – без лишних церемоний ухватив за ворот рубашки безликого зубастика, на чистейшем итальянском прокричала Аманда. Мерзкий слепец мгновенно убавил боевой пыл и, захлопнув свою ужасную пасть, покорно склонил вниз лысую голову.

– Damn it, я точно сошла с ума, – наблюдая за тем, как отчаянно лупит Аманда по лысому черепу монстрика, ошалело прошептала Петти и, ощутив дрожь в ногах, бессильно опустилась на один из стульев.

Тем временем лысый зубастик, не выдержав побоев Аманды, по-щенячьи взвизгнул и, рванувшись из ее рук, изобразил широкий прыжок в сторону стены. Прошло еще мгновение и монстр, словно испарился в воздухе.

– Что это было, Аманда? – судорожно сжав на груди кулачки, заикаясь, спросила Петти.

– Bad-boy, molto museo zoologico annualmente dale vostre mani! – с досадой бросая на стойку бара оторванный «с мясом» воротник черной рубашки, выпалила Аманда на итальянском.

– Аманда, что это было? – механически переспросила Петти, осоловело глядя на стену, в которую только что грамотно «впечатался» зубастый зверек.

– Не беспокойтесь, мэм, прошу вас. Этот несносный уродец, так напугавший вас... в общем, это мой сын Лео. Мэм, простите меня, за то, что я сразу не рассказала вам о нем, – обратив, наконец, внимание на полностью деморализованную Петти, заполошенным голосом запричитала Аманда. Достав из витрины бутылку холодной воды и хрустальный фужер со стойки, она подскочила к Петти и стала приводить ее в чувство.

– Povero bambino, che cosa voi luce. Su, Leo, sei solo il nostro pigionante non vi prego! – упав на колени перед Петти, плачущим голосом возопила Аманда. Трясущимися руками откупорив бутылку воды, она доверху наполнила ею фужер и заботливо поднесла его к губам Петти.

– Bene acqui, vi prego. Bene, per, favore! – нежным просящим голосом обратилась она к Петти.

– Что, я не понимаю? – все еще пребывая в глубоком шоке, бессильно пролепетала Петти.

– Попейте воды, мэм, попейте. Вам сразу станет легче, вот увидите, – ловко перескочив с итальянского на английский, скороговоркой выпалила Аманда. Петти приняла бокал из рук Аманды, и звонко стуча зубками по тончайшему хрусталу, сделала крупный глоток. Аманда, с затаенной тревогой наблюдая за Петти, нервно улыбнулась и заискивающим голосом просяюкала:

– Мэм, милая мэм, простите меня за Лео. Вы знаете, он только с виду такой страшненький, а на самом деле, он очень стеснительный и кроткий малый.

– Я заметила, – поставив на стол пустой фужер, саркастически усмехнулась Петти.

Ее всю колотило, словно в лихорадке и она едва могла говорить.

Второй член команды спасения появился в тот момент, когда пострадавшая начала понемногу приходить в себя. Муж Аманды, уподобившись «обезбашенному» киборгу, буквально влетел в бар-буфет и, потрясая в воздухе титановой битой, воинственным голосом заорал:

– Сейчас здесь кому-то не поздоровиться!

Появление очередного чудовища окончательно доконало расшатанную психику Петти. Коротко охнув, она запрокинула назад голову и лишилась чувств. Аманда, разозленная нелепой выходкой мужа, сурово сдвинула брови и грозным голосом рыкнула:

– Bene, che oggi la giornata! Aggiungendo questi mi esattamente oggi non un atto eroico nella bara!

Гневные окрики жены отрезвили разбушевавшегося «бегемотика» и он, убрав биты за спину, виновато проблеял:

– Дорогая, мисс Петти так громко кричала, что мне вдруг показалось, ее кто-то убивает. Я...

– Придурок, да ты ее своими воплями напугал больше, чем наш сын Лео! – не дав до конца оправдаться мужу, резко перебила его Аманда.

– Так это был Лео? Мamma Mia, бедная женщина! Я ведь и сам иногда пугаюсь, когда встречаю Лео по ночам, – озадаченно почесав затылок, сокрушенно вздохнул Дэн Хэчт.

– Сколько раз я говорила этому негодному мальчишке, чтобы он не показывался при наших посетителях. Но нет, чем он становится старше, тем все меньше он слушает о чем я ему говорю. Как я устала от всего этого, я так устала, – на повышенных эмоциях выразила свое душевное состояние Аманда. Достав из кармана халата скомканный белый платок, она стала обмахивать им бледное лицо Петти.

– Что же теперь прикажешь делать? Не отказываться же нам от нашего сына! – обреченно вздохнул Дэн Хэчт и крадущимися шагами приблизился к жене. Взяв со стола бутылку с минеральной водой, он сделал из нее глоток и надув щеки, с шумом выплеснул содержимое прямо в лицо в Петти.

– Don Chisciotte Che cosa fa?! – на этот раз уже испугавшись сама, заорала истеричным голосом Аманда.

– Да, все нормально, дорогая! Видишь, мисс Петти уже приходит в себя, – боясь попасть под горячую руку жены, вовремя отпрыгнул на безопасное расстояние Дэн Хэчт.

Холодный душ и вправду привел в чувство Петти, и она медленно разлепив глаза, слабо улыбнулась:

– Мисс Петти, как хорошо, что вам стало лучше. Мисс Петти, как хорошо, что вы снова с нами! – радостно всплеснула ладонями Аманда и, приложив к ее лицу платок, бережно смахнула с него капли воды.

– Кажется, я потеряла сознание, да, Аманда? – отстраняя от себя руку Аманды, неуверенно спросила Петти.

– Да, мисс Петти, вы ненадолго потеряли сознание. Вас напугал своими криками мой шальной муженек, будь он неладен, – заискивающе ощерилась хозяйка мотеля.

– Дорогая, дорогая, за что ты меня так? – не вовремя встрял гориллообразный Дэн Хэчт.

– Shut up, berk! Ты уже сделал свое дело, – грубо ответила ему Аманда и, сменив тон, ласково пропела Петти:

– Мисс Петти, скажите, можем мы с мужем надеяться на то, что вы не покинете наш мотель после столь неприятного для всех недоразумения?

Опираясь на крышку стола руками, Петти сделала попытку встать со стула, но как только ее покачнуло, Аманда вовремя придержала ее под руку.

– Спасибо Аманда, – тяжело опираясь на мягкое плечо хозяйки мотеля, поблагодарила ее Петти. Не желая отставать от своей строгой жены, Дэн пристроился к Петти с другого бока и осторожно взял ее под локоть. Оказавшись в клещах между двумя благодетелями, Петти, наконец, почувствовала себя в относительной безопасности.

– Расскажите мне, пожалуйста, про вашего кудрявого малыша? – с легким юмором в голосе попросила Петти. Видя, что постоялице стало лучше, Аманда облегченно вздохнула и охотно ответила на интересующий ее вопрос:

– Вы о Лео, мэм?... Как вы уже заметили, он не совсем обычный с виду ребенок. Но он, правда, наш родной сын. Так бывает, мэм, не часто, но бывает... Лео не виноват, что он такой. Но я вас заверяю, что он совсем не опасный для общества. И то, как он отреагировал на вас, говорит лишь о том, что он просто вас испугался и все. Он бы никогда не посмел напасть на кого-либо, поверьте мне.

Петти, не совсем удовлетворившись ответом Аманды, повернулась к смущенно сопящему сбоку Дэну Хэчту.

– А что скажете мне вы, сэр Хэчт?

– Аманда права, мэм: Лео безопасен для общества и никогда не причинит вред ближнему, – стесняясь смотреть в красивые глаза постоялицы, невнятно пробурчал Дэн Хэчт.

Переважив полученную информацию, Петти ненадолго задумалась и, наконец, твердым голосом изрекла:

– Хорошо, давайте сделаем вид, что ничего не произошло.

– Ой, спасибо вам, мисс Петти! Да хранит вас Дева Мария! – облегченно выпалила Аманда и, прижав Петти к своей мощной груди, трижды поцеловала ее в лоб и щеки. Дэн Хэчт тоже пожелал поучаствовать в лобызании прекрасной постоялицы, но жена вовремя сунула ему под нос увесистый кулак.

– Но... но, – переждав бурю эмоций, ультимативным тоном заявила Петти, – я хочу, чтобы вы мне пообещали, что больше не будете доводить меня до обморока и начнете лучше следить за своим «красавчиком» Лео.

– Обещаем, мисс Петти, обещаем! – в один голос заорали дурными голосами хозяева мотеля.

– Зачем вы так кричите, господи?! – недовольно поморщилась Петти и сделала попытку высвободиться из железных объятий своих нескучных благодетелей.

– Еще раз простите нас, мэм, – извинилась за себя и мужа более вежливая и чуткая Аманда.

– Я собиралась совершить небольшую прогулку по окрестностям, но совсем не знаю, откуда мне начинать, – возвращаясь к первоначальному вопросу, обратилась Петти к хозяевам мотеля.

– Ой, сейчас я вам все объясню, мисс Аманда, – глядя на Петти глазами преданной собаки, с готовностью кивнула хозяйка мотеля. – Наш мотель стоит в самом центре Бэгли и отсюда рукой подать до любой точки нашего города. К примеру, если вас интересует WalMart, то вам нужно пройти двести ярдов на юг по Main avenue и, свернув на перекрестке налево, пройти еще четверть мили по 6th East street и там справа, вы увидите большую неоновую вывеску WalMart. Там же, напротив магазина, есть вполне сносная Drug store, где вы можете приобрести необходимые лекарства. А если у вас появиться желание вкусно пообедать или поужинать, то вам нужно будет пройти еще сто ярдов прямо и свернуть налево на Labbad avenue. Там находится мексиканская закусочная Диего Мартинеза, а чуть дальше стоит отличный стейк-бар. Диего порядочный сукин сын, но он готовит отличные фахитос, энчилады и умеет гнать приличную текилу. Но если вам претит острая пища, то я советую вам посетить заведение нашего старинного друга Криса Фридериксона. Вас приятно удивит настоящая американская кухня и широкий выбор спиртных напитков...

– С этим все понятно, а что на счет исторических достопримечательностей? Есть в вашем городе какие-нибудь исторические памятники или музеи? – переважив краткий отчет Аманды, задала Петти очередной вопрос.

Вопрос Петти застал врасплох хозяев мотеля и те, недоуменно переглянувшись друг с другом, снова воззрились на Петти. На этот раз, на ее вопрос отвечал Дэн Хэчт:

– Мэм, а позвольте, в свою очередь, поинтересоваться у вас, с какой целью вы прибыли в Бэгли?

– А это имеет какое-то отношение к заданному мною вопросу? – не поняла Петти. – Самое прямое отношение, мэм, самое прямое!

– Хм... я не знаю, что вам ответить, сэр Хэчт.

– Ладно, мэм, тогда я попробую задать вопрос иначе. Вы что-нибудь слышали об Инкубаторе Брайана или секретном проекте DOM?

– Инкубатор Брайана? Секретный проект DOM? Нет, признаться, я ничего об этом не слышала.

– Тогда с вами все ясно! – неожиданно расплылся в широкой улыбке хозяин мотеля.

– Что вы имеете в виду, сэра Хэчт? – вопросительно фыркнула Петти, раздраженно глядя на ухмыляющееся рыло хозяина мотеля.

– Давайте поступим так, мисс Петти: сегодня мы вам ничего не будем говорить, а завтра сюда явятся наши местные экскурсоводы Билл и Тимм. И вот они-то вам все подробенько расскажут и покажут, хорошо? – нагоняя на себя тень интригующей таинственности, предложил Дэн Хэчт озадаченной неизвестностью постоялице.

Петти нахмурила лоб и несколько секунд размышляла над услышанным. Ей не совсем понравилось то, какими хитрыми масляными глазками на нее стал смотреть хозяин мотеля. И то, как переменилось выражение лица Аманды, когда Петти нечаянно призналась им в своем профанстве. Что-то здесь было не так и это немного обеспокоило Петти. И если бы она была более чуткой и благоразумной, то не стала бы искушать судьбу и позвонила бы по телефону русскому таксисту Юрию. Но, врожденный дух авантюризма и остаточные действия мефедрона несколько притупили ее бдительность. И она, взяв себя в руки, постаралась отогнать от себя тревожные предчувствия и целиком и полностью довериться сложившимся обстоятельствам.

– Ладно, так и быть, дело сделано и я уже здесь, – загнав поглубже тревожные позывы, решительно тряхнула распущенными кудрями Петти. – Сегодня я побуду в неведении, а завтра попробую сполна утолить свое любопытство.

– Вы такая умничка, мэ. Смотрю на вас и прямо нарадоваться не могу, – картинно сложив на груди ладони, умильно закатила вверх черные глазки Аманда.

– Может вам сварить кофе, мэ? – любезно предложил хозяин мотеля и резво метнулся в сторону барной стойки.

– Пожалуй, не стоит, – протестующим жестом остановила его Петти, – я недавно перекусила. Да, кстати, спасибо вам за ваши вкусные питательные сэндвичи, мисс Аманда.

– Что вы, мисс Петти! Это вам спасибо за ваше доброе сердце, – зардевшись от удовольствия, радушно протянула ей навстречу руки хозяйка мотеля. И только сейчас Петти заметила, что шелковый японский халат Аманды растегнут настежь, а ее округлую талию сковывает черный кожаный корсет, утыканный блестящими железными клепками. Смутная догадка промелькнула в голове Петти и она, едва сдерживая улыбку, перевела взгляд на мужа Аманды. И когда она увидела на бычьей шее сэра Хэчта кожаный ошейник с крупным металлическим кольцом, то ей сразу все стало ясно. Подобные аксессуарчики издавна пользовались широкой популярностью среди любителей «ролевых» игр. Видимо, отчаянные крики Петти застали хозяев именно в тот момент, когда они мирно тешили себя экзотическими сексуальными забавами.

– Что ж, я, пожалуй, пойду. Спасибо вам за то, что устроили мне такое незабываемое и самое главное бесплатное шоу, – игриво подмигнула Петти сэру Хэчту и направилась к двери.

– Что вы, мисс Петти! Это вам спасибо за понимание и терпимость, – бросаясь вслед за постоялицей, благодарно проворковала хозяйка отеля.

– Да, кстати, – уже с порога, обернулась Петти лицом к Аманде, – отличный костюмчик, мисс Аманда.

– Что? – сразу же догадавшись, о чем говорит Петти, поспешно запахнула на себе халат любительница «ролевых» игр.

– Сэр Хэчт, вам этот кожаный ошейник очень даже к лицу, – не забыла Петти уколоть и сэра Хэчта.

– Что? – покрываясь густым багровым налетом, сипло отозвался явный подкаблучник и тайный садомазохист Дэн Хэчт.

– See your later, mistress and bottom! – мило оскалившись, помахала Петти двумя пальчиками «сладкой парочке» и мгновенно испарилась за дверь.

Муж Аманды, настороженно прислушиваясь к звукам цокающих каблучков постоялицы, смущенно воззрился на жену и растеряно бросил:

– Однако, какая языкастая сука эта мисс Петти!

Аманда, выслушав грубую реплику мужа, неожиданно подбоченилась, и некрасиво скривив полные губы, рыкнула приказным тоном:

– А ну-ка, ты, жалкий слизень, становись на колени и целуй мне ноги, быстро!

С виду неповоротливый Хэчт проворно бухнулся на колени и, изобразив на своем небритом рыле подобие страха, покорно проблеял:

– Слушаюсь, моя госпожа!

Тобари сан

Выйдя из мотеля, Петти последовала по предложенному Амандой маршруту. Торопиться Петти было некуда и кроме этого, после перенесенных потрясений, ей бы совсем не помешала хорошая пешая прогулка. Сразу за отелем с правой стороны дороги начиналась обширная парковая зона с чистыми зелеными лужайками и аккуратными аллеями, засаженными хвойными и лиственными породами деревьев.

Сквозь просветы между деревьями поблескивали на солнце холодные воды озера Лямонд.

С левой стороны дороги стояли в ряд однотипные жилые дома, огороженные невысокими заборами и оборудованные подъездными стоянками для автомобилей. Несмотря на разгар летнего дня на улице почти не было видно людей и машин.

Лишь раз мимо Петти промчался на юг разрисованный рефрижератор, а следом, на высокой скорости пронесся желтый пикап, из открытого окна которого торчала угрюмая морда иссиня-черного лапрадора.

После бесконечных дорожных приключений, сонный вид здешнего городка произвел на Петти умиротворяющее впечатление. За четыре минувшие недели Петти довелось побывать в пяти штатах и посетить десятки больших городов. В некоторых из них, как например, в Лас-Вегасе, она снимала шикарный отель и задерживалась на несколько дней. В других городах ей было достаточно побывать всего несколько часов и, пополнив запас необходимых для путешествия вещей, она продолжала свой путь в никуда. Все это время ее сопровождала верная подруга Мэри Шелли. С Мэри Петти познакомилась всего полгода назад на одной из вечеринок у общих друзей в Риверсайде. И уже с первых минут знакомства они прониклись друг к другу откровенной симпатией, переходящей за грань простой дружбы. Мэри Шелли была младше Петти на семь лет, но за плечами у нее был такой солидный жизненный опыт, что его с лихвой бы хватило на десяток обычных женщин.

Мэри родилась в бедной семье и с первых дней рождения познала всю бесцельность и горечь жизни в кругу потомственных неудачников и «фриков». За свои двадцать три с небольшим года она дважды побывала в тюрьме и три раза принудительно лечилась от алкоголизма и наркомании. Ее первый мужчина избивал ее и продавал за деньги своим друзьям, а следующий искалечил ее первого ребенка и после повесился на собственном ремне. Этого опыта было вполне достаточно для Мэри, чтобы возненавидеть всех земных мужчин и бесповоротно принять сторону слабого пола. Еще во время своей первой «отсидки» в женской тюрьме в Техасе, Мэри познала грешную сладость лесбийской любви. И когда она вышла на свободу, то уже отдавала предпочтение в сексе исключительно лицам женского пола.

Петти в отличие от Мэри никогда не являлась закоренелой лесбиянкой. И до встречи с Мэри Шелли, у нее лишь однажды была краткая сексуальная связь с одной студенткой из Финикса. Но для Петти это скорее было не извращенной страстью, а всего лишь минутной слабостью или, же наивным любопытством, свойственным максимализму молодых людей. С Мэри Шелли у нее все было совсем по-другому. Петти любила ее и не раз признавалась в этом самой Шелли. Она не слышала подобных откровенных признаний от своей бывалой подруги, но ей было вполне достаточно того, что она жалеет и понимает ее. Мысль о бесконечном trip возникла у Петти перед самым разводом, когда она лежала в больнице после потери ребенка. Мэри Шелли узнав о заманчивой идее своей подруги, с радостью поддержала ее и пока Петти долечивалась в больнице, Мэри активно готовилась к долгому путешествию по штатам.

Наверное, это была самая необычная и самая бессмысленная поездка Петти за всю ее тридцатилетнюю жизнь. В течение трех недель Петти и Мэри только и делали, что куда-то ехали и творили по дороге бесконечные безобразия. Огромные дозы чистейшего кокаина помо-

гали им находиться все время в тонусе, а солидная сумма на кредитных карточках Петти являлись надежным гарантом для продолжения их совместных веселых приключений. Три недели Петти и Мэри были неразлучны и щедро делились друг с другом своей нерастроченной любовью и вниманием. Они снимали шикарные отели и во все стороны сорили деньгами и кокаином. В Лас-Вегасе, где Петти Чарли сняла шикарный номер в пятизвездочном отеле Mandalay Bay, они целую неделю не вылезали из бассейна и уничтожили столько «кокса» и шампанского, что удивили не только всех местных постояльцев, но и выдающую виды прислугу. Здесь они без разбора заводили друзей, которые были не прочь пожить и расслабиться за счет богатенькой сумасшедшей парочки. Здесь же в Лас-Вегасе Петти впервые участвовала в массовой женской оргии и была крайне поражена, познав безграничность извращенной женской похоти. Нельзя сказать, что ей совсем не понравилось заниматься сексом сразу с двумя или тремя партнершами, но в дальнейшем она все же предпочитала избегать подобных развлечений.

Зато этого нельзя было сказать о Мэри, совершенно сорвавшейся с катушек от обилия впечатлений и вида окружающей роскоши Mandalay Bay. И возможно, если бы не настойчивые просьбы Петти, то ее роковая подруга Мэри ни за что бы не захотела покинуть это сказочное место. Но, как говорится, парадом правит тот, у кого есть наличные и вечно сидящей на «мели» Мэри, все-таки пришлось подчиниться воле своей впечатлительной подружки. Была еще одна причина, по которой Петти не захотела больше находиться в Mandalay Bay. Она жестоко ревновала Мэри к другим женщинам, к коим Мэри выказывала не меньшую симпатию, чем к Петти. И это сильно ранило в самое сердце, искренне любящую ее Петти. Будучи по природе открытой и прямолинейной, Петти высказала свои претензии Мэри и получила от нее в ответ честные заверения, что та больше никогда не предаст ее. Но в Север Платт все повторилось снова. В отеле Holiday Inn Express Мэри попыталась заигрывать с девушкой на ресепшн, что в конечном итоге вылилось в грандиозный скандал между ней и Петти. В эту ночь они впервые не спали вместе. Обидевшись на Мэри, Петти уехала в более дешевый Hampton Inn, а Мэри осталась в Holiday Inn Express. Не трудно было догадаться, что Мэри все-таки уговорила девушку с ресепшн провести с ней ночь любви. Но, как не глубока была обида Петти, уже на другой день она первая позвонила на «сотовый» Мэри и та, второй раз, попросив прощения у своей подруги, вновь воссоединилась с ней.

Мир и любовь между Петти и Мэри продлились около двух недель. После чего Мэри снова стала чудить. Сначала на трассе между Омахой и Де-Мойном она жестоко избила чернокожего водителя грузовика. И когда Петти попыталась остановить расвирепевшую подругу, та сильно ударила ее по лицу стальным кастетом. И лишь по счастливой случайности Мэри не изувечила красивое лицо своей подруги. Развязка наступила в ночном Де-Мойне в отеле Radisson Hotel, когда Мэри, нанюхавшись кокаина, набросилась с ножом на одного из служащих отеля. Кстати, он тоже был чернокожим. За что и получил две колотые раны в кисть руки и бедро.

Склонность к расовой нетерпимости и брутальный взрывоопасный характер Мэри были наказаны по заслугам. В эту же ночь ее арестовали и до полного выяснения личности, заключили под стражу в местном отделении полиции. В свою очередь, Петти, не горевшей желанием попасть в поле зрения «копов», пришлось своевременно ретироваться через окно отеля. В панике она забыла забрать из номера двухнедельный запас «кокса» и кое-какие необходимые вещи. Теперь, возможно, этот «кокс» сыграет роковую роль в дальнейшей судьбе бывшей подруги Петти. Так как, у нее не вызвало никаких сомнений, что полиция обязательно проверила тот номер, в котором они останавливались с Мэри. После такого многозначительного намека невидимого господ Бога, Петти решила немного сбавить темпы «трипов» и сократила количество потребляемых психостимуляторов. Оставшись без кокаина, Петти перешла на «крэк», по случаю, купленный ею в Рочестере. По качеству он был полным дерьмом по сравнению с девяносто пяти процентным кокаином, полученным ею от своего бывшего любов-

ника из Лос-Анджелеса. Этот ушлый парень вот уже как десять лет снабжал многих богачей и знаменитостей из Голливуда, Бел Эйрза и Хомби Хиллза и сколотил на этом приличное состояние. Не последнюю роль в росте его благосостояния сыграла его честность и порядочность по отношению к своим клиентам. И поэтому, когда Петти заказывала у него «порошок», то наверняка знала, что Клинт не подведет. После волшебного аромата клубничного кокаина, дикие «приходы» от курения отшлифованного левамизолом «крэка» вызывали у Петти нервный зуд по всему телу и неприятные отталкивающие галлюцинации.

Каждую ночь Петти мучили жуткие кошмары и чтобы не сойти с ума, она накуривалась до полного одурения и закрывалась на всю ночь в ванной. Чтобы не видеть зеркал, Петти накрывала их простынями и никогда не выключала ночью свет в своем номере. Одиночество и непроходящая тоска по Мэри съедали ее душу, и Петти чувствовала, что с потерей ребенка и любимой подруги полностью потеряла смысл жизни. Когда закончился «крэк» у Петти еще оставалось немного пасты кокки, но это не принесло ей облегчения. Последние пару суток в отеле Days Inn Saint Pauls оказались для измученной психики Петти подобно погружению в чертоги Ада. Оказавшись в незнакомом городе, Петти не рискнула самостоятельно искать дилера и, добив последний запас пасты кокки, стала ждать наступления ночи. И как только солнце исчезло за горизонтом, на улицах Сент-Пола появились сонмы черных призраков. Все они жаждали крови и скорого сумасшествия Петти. Леденящими душу могильными голосами призраки приказывали Петти впустить их к себе и угрожали ей страшными муками при жизни и после смерти. Забившись в ванную комнату, Петти до самого утра держала осаду, отбиваясь от рвущихся к ней пришельцев из мира мертвых. И когда наступило утро, она не знала, жива ли она или же уже мертва.

В обед Петти забронировала номер в мотеле «То, что меняется» и, заказав такси на утро, стала готовиться к поездке в Бэгли. Днем ей повезло, и она смогла заставить себя немного поспать, но вечером все повторилось снова и Петти до самого рассвета, закрыв голову подушкой, лежала на дне холодной ванной. По дороге в Бэгли Петти посещали мысли о том, что без «кокса» ей скоро станет еще хуже, но, повинувшись непонятной мистической силе, она все же не отказалась от своей цели и выполнила то, что обещала во сне «человеку без лица».

Тобари ен

Бесцельно прогуливаясь вдоль витрин местного WalMart, Петти заметила неотступно следующего за ней по пятам молодого смуглого парня в летнем костюме. На вид ему было не больше двадцати пяти и, судя по его развязной походке и дерзкому взгляду, он был весьма высокого мнения о своей персоне. На его крепкой бычьей шее вызывающе поблескивала толстая золотая цепь, а запястья обеих рук сковывали серебряные браслеты в виде извивающихся змеек. Парень, и это было очевидно, желал добиться внимания красивой покупательницы, но она лишь раз бросила на него мимолетный взгляд и продолжила свою бесцельную экскурсию по линейным лабиринтам супермаркета.

Наконец, прикупив себе пару солнцезащитных очков «авиатор» и пакетик освежающих леденцов Altoids mints, Петти покинула магазин. Но едва она закрыла за собой дверь, как следом за ней выскочил тот самый парень, так безуспешно пытавшийся «намылить» ей глаза своим «царственным» присутствием. Едва не сбив Петти с ног, он бесцеремонно преградил ей путь и наглым самоуверенным тоном, заявил:

– Ты мне нравишься, la flor.

Петти, ошеломленная бравым натиском молодого наглеца, отпрянула назад и ледяным тоном отрезала:

– Уйди с дороги, прыщ шарнирный!

Обидная реплика Петти несколько не смутила кандидата в ухажеры. Хищно ослабившись, он ухватил Петти за кисть руки и повторил свое «оригинальное» признание:

– Ты мне нравишься, la flor.

Видя, что слова здесь бессильны, Петти коротко размахнулась и врезала наглецу дамской сумочкой по улыбающейся физиономии. Тот, вскрикнув от неожиданности, тут же выпустил руку Петти и шарханулся в сторону. Ударом сумки ему раскроило нос и уже через секунду незнакомец не помышлял ни о каком знакомстве, а думал лишь о том, как остановить бегущую из ноздрей кровь.

– Hostia! Puta di mierda! Que te follen! – судорожно затыкая нос пальцами, грубо выругался на-испанском молодой наглец.

– Eros un feto, chu,pate esa! – не уступая наглому «curd», парировала в ответ Петти. И закинув на плечо сумочку, она с победным видом направилась в сторону Labbad Avenue.

– Сопо, у una polla, ella sabe la lengua Espanola! – удивленно протянул парень и, перейдя на английский, поспешно крикнул вслед уходящей Петти, – Постойте, мэм, я совсем не хотел вас обидеть.

Забыв про свое боевое ранение, он подался вслед за Петти.

– Losmentecatos no me interesan! – не оглядываясь, сурово буркнула Петти.

– Мэм, я не идиот, мэм. Простите меня, мэм. Я совсем вас не хотел обидеть, – тоном раскаявшегося грешника воскликнул парень и прибавил шагу.

Легко нагнав Петти, он преградил ей путь и...неожиданно упал перед ней на колени. Устремив на Петти свои огромные карие глаза, парень молитвенно сложил на груди руки и мягким голосом произнес:

– Простите меня, мэм!

– Ч-черт, какой ты все-таки настырный! – с досадой прошипела Петти и, намотав ручку сумочки на кисть руки, стала готовиться к новой стычке.

– Если хотите, можете еще раз врезать мне по морде, – наблюдая за действиями Петти, покорно склонил коротко стриженную голову парень.

– И врежу, можешь не сомневаться, что врежу! – бесстрашно замахиваясь сумкой на назойливого ухажера, отчаянно крикнула Петти. – А знаешь, за что врежу?

– За что, мэм? – напуская на скуластое лицо глуповатый вид, вопросительно повел бровями парень.

– За твою невиданную наглость и грубость!.. Где ты видел, чтобы мужчины так знакомились с незнакомыми женщинами? – опуская сумку, поучительным тоном заявила Петти.

– Просто... просто вы вся такая сногшибательная, что я не смог сдержаться, – мгновенно перевоплотившись из наглого грубияна в провинциального «тюфяка», невнятно промямлил «gigolo».

– Ладно... хватит стоять передо мной на коленях. Проваливай, я сегодня добрая, – вдоволь натешившись унижением бывшего обидчика, снисходительно махнула рукой Петти, и самоуверенно задрала голову, продолжила свой путь.

– Мэм, постойте, мэм. Ну я прошу вас, уделите мне минутку вашего драгоценного внимания, – видно не усвоив устный урок вежливости, продолжил преследование понравившейся ему женщины, молодой наглец.

– Ну что еще тебе от меня нужно, fresco! – окончательно теряя терпение, закричала Петти и, вонзив шпильки туфель в горячий асфальт, стала ждать, пока подкрадется ее преследователь. Теперь Петти уже не сомневалась, что точно врежет ему по его самоуверенному «трафарету» и если повезет, промаркирует ему туфель соjones. Но, два неудачных подряд приступа научили наглеца действовать хитрее, и он свел на нет агрессию Петти всего лишь одной превентивной фразой:

– Мэм, я всего лишь хотел предложить вам вместе покататься на «белой лошади».

После сказанных им слов, в воздухе повисла продолжительная пауза, в течение которой Петти тщательно переваривала полученную информацию, а ее разукрашенный ухажер терпеливо ожидал решения объекта своего вождения. И вот, оно созрело: решение, зрелое решение в виде опускающегося с безоблачного синего неба конского седла и короткого кожаного хлыста для управления белоснежной породистой лошастью.

– А ты хороший наездник? – вызывающе выставив перед собой ножку, изучающе уставилась Петти на млеющего под ее лучезарным взглядом, парня.

– Можете быть уверены во мне, мэм, – широко оскалился парень и уверенно протянул Петти открытую ладонь. – Зовите меня Родриго. Я из Лос-Анджелеса.

– Ну, надо же, земляк? – недоверчиво прищурилась Петти.

– Вы тоже из Лос-Анджелеса? – с надеждой выдохнул Родриго.

– Я из Brentvuda, – снисходительно отозвалась Петти.

– Вау, да, мы с вами почти что соседи, мэм! Я из Санта-Моники, – несказанно обрадовался Родриго и с видом старого знакомого, спросил. – Так как, вы принимаете мое предложение, мэм?

– ... Петти, зови меня Петти... хм, Родриго, – растаяло сердце роковой красавицы, скучающей по «snowblind» и волшебным «трипам».

– De puta madre, me habeis hecho persona mas feliz sobre la Tierra! – победно проверещал горячий парень из Санта Моники, и ловко опрокинувшись назад, совершил блестящее заднее сальто.

– El salvaje! – скрывая невольное восхищение, сдержано прошипела Петти.

– Gracias, la flor! Если хотите, зовите меня Псилоцибом. Это мое давнее прозвище, – картинно взмахнув руками, открылся сияющий Родриго.

– Слушай Псилоциб, ты случаем не «коп»? – настороженная открытостью своего нового знакомого, решила подстраховаться Петти.

– А вы сами-то как думаете? – скрестив на груди руки, насмешливо уставился Родриго на Петти.

– Странный ты какой-то... el muchacho. – не сводя настороженного взгляда с серебряных змеек, притворно насупилась Петти. Но ледяной айсберг в ее сердце уже дал течь, и она была готова плыть по талым водам чувственности навстречу новым приключениям.

Желая закрепить дружеские отношения, «реактивный чувак» Родриго любезно пригласил свою новую знакомую на чашечку горячего кофе с кокаином. И самым подходящим местом для начала очередного «трипа» он посчитал закусочную дона Мартинеза, являвшегося чистокровным мексиканцем и хорошим приятелем Родриго. Для Петти же не было особой разницы, откуда начинать «старт в небо» и она легко согласилась на предложение el muchacho caliente mejicano. Свернув с пустынной 6 th East street на не менее пустынную Labbad avenue, и протопав еще около сотни ярдов, Петти и Родриго вышли к мексиканской закусочной. Увидев старое деревянное здание с обшарпанной вывеской у входа, Петти криво усмехнулась:

– М-да, это точно не Mellice!

– А вы бывали в Mellice? – с видом знатока поинтересовался Родриго.

– Доводилось однажды.

– Ну и как вам, понравилось там?

– По-моему, Джош Ситрин-волшебник кулинарии!

– Ну, Диего конечно не Джош Ситрин, но зато он умеет делать такие фахитос, что...

– с жаром затынул хвалебную песнь своему приятелю Родриго, но был вовремя прерван Петти.

– Я что-то не пойму, мы сюда пришли, чтобы есть фахитос с солью?

– Если честно, то я бы не отказался, – простодушно улыбнулся el muchacho.

Переступив порог закусочной, Петти сразу же окунулась в головокружительную атмосферу пряных запахов специй, цветов и заводных ритмов мексиканской музыки. В закусочной, несмотря на разгар дня, было безлюдно, не считая парочки пожилых музыкантов, одетых в цветные костюмы чарро и широкополые сомбреро. Сидя на низких банкетках в конце зала, они исполняли народную песню в стиле ранчерос. Живая заводная мелодия гитар сопровождала их звонкие высокие голоса, напоминающих плач счастливых ангелов.

С левой стороны зала вдоль окон были выставлены в ряд лакированные овальные столы с плетеными стульями. А на каждом столе, засервированном чистыми серебряными приборами, стояла глиняная расписная ваза со свежими гвоздиками. Правую сторону зала занимала обшарпанная черным деревом стойка и обширная витрина, в виде множества декоративных полок, уставленных всевозможными напитками, настойками и глиняными фигурками и амулетами христианских святых. Центр зала, судя по его размерам, предназначался для танцев, но сегодня здесь было тихо, и никто не мог оценить музыкальных талантов дуэта мариачи.

– Хм, а здесь не так плохо, как я сначала подумала. Мне почему-то казалось, что в заведениях подобного рода всегда обитают мухи и несет горелым соевым маслом. Как хорошо, что я ошиблась, – желая быть объективной, отдала должное заведению дона Мартинеза Петти.

– Мне тоже здесь нравится, хотя я бывал здесь всего лишь раз, – указывая Петти на крайний столик, признался ее новый знакомый.

– Вот как! Когда же ты успел подружиться с хозяином закусочной? – недоверчиво покосилась Петти на Родриго.

– Я знаю его еще с детства, – охотно ответил Родриго и, выдвинув стул, предложил Петти присесть на него.

– Gracias! – удобно усаживаясь на стуле, благодарно кивнула Петти.

Не увидев никого за стойкой, Родриго сунул в рот два пальца и пронзительно свистнул. На его свист из кухни выскочил тучный толстяк с черной соевой косичкой за спиной, и смешно семеня короткими ножками, приблизился к столику с гостями.

– Buenos días, de la cruz! – приподнимаясь со своего места, почтительно протянул обе руки Родриго, запыхавшемуся толстяку.

– Buenos dias, el hijito! – горячо приветствовал Родриго хозяин закусочной.

– Добрый день, мэ! – вежливо кивнул Диего красивой спутнице Родриго и тихо добавил по-испански. – La mujer Hermosa.

– La diosa presente, de la cruz! – прищелкнул языком Родриго, демонстрируя восхищение красотой белой женщины.

– Gracias don Diego. Sois tan amables, – ошеломила Петти хозяина закусочной отличным знанием испанского.

– Простите, мэ, – смешно округлил темные глаза дон Диего. – Я не знал, что вы говорите по-нашему.

– Не извиняйтесь, вы же не сказали ничего обидного, – снисходительно хохотнула Петти.

– Что желает, сеньорита? – придав своему круглому лицу выражение безмерной почти-тельности, мягко спросил у нее дон Диего.

– Я уже слышана о ваших высоких кулинарных способностях, дон Диего. Не обижайтесь на меня, но я сейчас не очень голодна. Но вот если у вас найдется для меня чашечка горячего кофе и порция сливочного мороженого с клубникой и сливками, то я буду вам очень признательна, – обворожительно улыбаясь, огласила Петти свой заказ.

– У нас для вас есть все, сеньорита, – ослепленный лучезарной улыбкой Петти, радостно воскликнул дон Диего. Вынув из нагрудного кармана белого кителя блокнотик с ручкой, он быстро записал заказ Петти и вопросительно уставился на Родриго.

– Крестный, а мне, если можно, как в прошлый раз! – с видом завсегдатая звонко прищелкнул пальцами молодой мексиканец.

– Esperen el minute, mi quiridos! – с готовностью кивнул дон Диего и, спрятав в карман блокнотик с ручкой, покатился обратно на кухню.

– Хороший человек, наверное, твой крестный? – провожая хозяина закусочной теплым взглядом, спросила Петти у своего нового знакомого.

– Да, я знаю. Мой крестный самый лучший человек на свете. Он когда-то спас жизнь мне и моему отцу, – сухо отозвался Родриго, и быстро оглянувшись по сторонам, полез в карман своих белых штанов.

– Может, пока никого нет, припудрим носики? – небрежно бросив на стол небольшой пластиковый «чек» с белым порошком, озорно подмигнул Родриго Петти.

При виде желанной дозы удовольствия мощная электрическая волна поднялась из самых глубин желудка Петти и накрыла ее с головой, превратив в маленькое трясущееся существо, лишенное воли к сопротивлению.

– Soy conforme! – едва сдерживая нахлынувшие эмоции, выдохнула Петти.

Вынув из сумочки долларовую купюру, Петти быстро передала ее Родриго, и el muchacho caliente mejicano мгновенно распотрошив «чек», разделил его на четыре жирные дорожки. Тонко свернув трубочку, он передал ее Петти и многозначительно закатил глаза к потолку:

– Только после вас, мэ.

– О'кей, полетели! – без лишних сантиментов согласилась Петти и... напудрив носик волшебной белой пылью, бесстрашно прыгнула с высокой кручи вверх. Ощувив за спиной сильные крылья, подаренные темным ангелом, Петти легко поднялась к самому солнцу. И, там высоко, ощутив на своей оголенной душе прикосновение губ живительного ветра, она с восторженным вскриком упала в его нежные объятия.

– Rodrigo ti, donde? – хохоча во все горло, крикнула Петти.

– Mi aqui, senorita! Se bajen hacia abajo! – донесся до ушей Петти далекий голос Родриго, призывающий ее вернуться на землю.

– Gustarme es mas grandes aqui! – жмурясь от удовольствия, протестуяще покачала головой Петти. Но поток живительного ветра внезапно изменил свое благодушное настроение и, смяв распущенные крылья земного ангела, с размаху швырнул Петти вниз. Скрипя зубами от

негодования и обиды, Петти на лету пробила стеклянный купол неба и, провалившись сквозь крышу гигантского небесного ковчега, упала в развернутое горлышко кувшина, заполненное колыхающей плазмой из триллионов живых клеток. Погрузившись с головой в склизкую теплую массу, Петти задержала дыхание и крепко зажмурила глаза. Но как только пальцы ее ног коснулись плоского дна кувшина, она, подобно пружине, вновь устремилась вверх. Оказавшись на поверхности, Петти вскинула вверх голову и увидела висевший на горлышке кувшина коричневый гриб с лицом Родриго. Смешно скорчив рожицу, состоящую из тонких пурпурно-коричневых пластинок, гриб Родриго пропищал смешным голосом:

– Con usted todo esta en orden?

– Si, todos los es normal, – искусно маскируя свое недоумение и досаду, отозвалась Петти и протянула Родриго в образе гриба и или грибу с элементами декора Родриго, руку. К счастью помимо тонкой ножки-туловища у гриба Родриго оказалось в запасе пара тонких узловатых ручек, больше напоминающих извивающихся миног. Опутав Петти скользкими щупальцами за запястье руки, гриб с пронзительным писком потянул ее на себя.

Но Петти не удалось целиком высвободиться из кувшина. На свободе оказались только ее голова и руки. Удивленно оглядевшись, Петти обнаружила, что ее шею и туловище сковал старомодный брыжжевый воротник и жесткий корсет с острым лифом, а ноги опутала неподъемная пирамида юбок с каркасом из обручей.

– Que esto conmigo? – удивленная своим новым обликом, испуганно ахнула Петти.

– De nada es simple ahora usted se han convertido en espanol al senor! – почтительно склонил выпуклую округлую шляпку перед новоявленной испанской сеньорой гриб Родриго или же Родриго в образе гриба Теонанакатля.

В это время, грозной поступью к их столику приблизился дон Диего. За время своего краткого отсутствия дон Диего значительно преобразился, превратившись из невзрачного тучного толстяка повара в колоритного дородного воина, облаченного в испанскую стальную кирасу с наплечниками и круглый шлем, украшенный гламурным страусиным пером.

– Сеньора, мое почтение. Как вы и просили, вот ваше кофе и мороженное с клубникой и сливками, – грациозно изгибаясь, звонко звякнул шпорами дон Диего и поставил на столик перед Петти чашку дымящегося ароматного кофе и хрустальную вазочку с шариками мороженого и свежей клубникой. Эстетичный вид ярко-красных спелых ягод, утопающих в водовороте нежнейших сливок возбудил в Петти жгучий аппетит, смешанный с неутоленной жадой сексуального желания.

– Спасибо, дон Диего. Вы так любезны! – возбужденно дыша, нервно улыбнулась Петти дону Диего в роли испанского пехотинца.

– Спасибо, крестный, – вихляя уродливым студнеобразным тельцем, высоким голосом пропищал гриб Родриго.

Выставив на столик перед трансформировавшимся в гриб крестником запечатанную бутылку текилы и тарелочку с тонко нарезанным лаймом и солью, дон Диего неспешно направился к музыкантам.

Сейчас музыканты выглядели подобно двум чернильным кляксам, размазанным на размытом inferнальными дождями окне грубой реальности. В тон сезону танцующей Белой лошади, дуэт мариачи сменил свои расписные наряды на длинные черные плащи, маски с длинными птичьими клювами и треугольные шляпы-трикорно. Вооружившись японской флейтой синобуэ и индейскими барабанами, мрачные птицы стоя приветствовали рождение новой реальности. Она предстала пред ними в виде прозрачной бабочки-имаго с обрывками шелковых лоскутков на серебристых крыльях.

Подчиняясь высокому печальному тембру японской нагаута, бабочка-имаго расправила крылья и вспорхнула вверх. Каждое волнообразное движение ее крыльев сопровождал низко-

частотный ритм баса тепонацтля. Брейкбит уэуэтля на слабой доле дополнял потустороннюю отстраненность и тревожную атмосферность голоса небес.

Околдованная щемящей психоделией этнического dubstep, Петти совсем перестала дышать и, не мигая, наблюдала, как бабочка-имаго парит над ее головой. В это бесконечное мгновение, для того чтобы жить, Петти не нужен был кислород. Ее душа, зачарованная светом и откровением небес, окуталась в схиму физического освобождения и приблизилась к неугасимому светильнику бессмертия.

– Esto ves, Rodrigo? – едва шевеля губами, прошептала Петти.

– Habremos aquello que se cambia por nuestro deseo! – таинственно сверкая безумными глазами, словно в бреду пробормотал Родриго.

– Мы есть то, что меняется по нашему желанию, – механически повторила сказанное им Петти. – Что это значит, Родриго?

– El misterio! – приложил указательный палец к сморщенным губам гриб Родриго.

Тем временем, бабочка-имаго стала неожиданно расти и трансформироваться в огромный клубок искрящихся нитей. Эти нити, подобно червям оплели все пространство зала, образовав единую живую сеть. Каждая искрящаяся нить издавала тонкий пульсирующий сигнал или ноту, гармонично дополняя ритмичную мелодию птичьего дуэта. Вся эта плавная звуковая палитра, сотканная из стуков миллионов невидимых молоточков и стонов клавиш, постепенно перетекла из ритма психоделического dudstep в шум приближающейся большой воды. Эффект погружения в воду выразился в глухом рокоте океанских волн и тугих хлопках лопающихся подводных пузырей. Проломив хрупкий прозрачный купол крыши, в зал хлынули изумрудно-зеленые потоки морской воды. Спасаясь от наводнения, музыканты побросали свои инструменты и, взмахнув фалдами черных плащей, взмыли вверх. В нереально замедленном действии черные птицы пересекли утопающий зал, оставляя за собой тонкий пунктир из ультразвуковых нот, выпавших из шелеста их крыльев и вскрыв кривыми клювами зеркальную стену, исчезли из вида.

Задыхаясь от приступа очередного наваждения, Петти сделала попытку подняться со своего места. Но сделать это оказалось не так-то просто. Для того чтобы спасти себя от удушья, ей сначала нужно было освободиться от неподъемного вороха юбок и жесткого корсета, сковавшего все ее тело.

– En ayuda, Rodrigo! – отчаянно пытаюсь вырваться из парчовых и шелковых оков, призвала Петти на помощь Родриго.

Но гриб Родриго повел себя самым отвратительным образом. Вместо того чтобы выручать из беды прекрасную сеньору, он сгреб со стола нетронутую бутылку текилы и, спасаясь, плюхнулся в кипящий водоворот. Перевернувшись вниз соломенно-коричневой шляпкой, он добровольно отдался на волю морской стихии.

– Помогите мне, Родриго! – не веря своим глазам, со слезами крикнула вслед уплывающему Теонанакатлу, Петти.

– Este asunto personal de cada uno, sinorita, – прокричал на прощание Родриго и мерзко вихляя своим студнеобразным тельцем, исчез в потоках зеленой воды.

– Дон Диего помогите мне! – обратив взгляд в сторону тонущей кухни, решила использовать последний шанс на спасение Петти. Но никто не отозвался на ее отчаянный призыв. Горькие слезы, не менее соленые, чем морская вода, хлынули из глаз Петти.

Вода все прибывала и прибывала и вскоре уже залила грудь и шею плачущей от ужаса и обиды женщины. Но слезы ее были безразличны морской стихии.

– Ну, хорошо, гадкая поганка, я еще до тебя доберусь, – осознав, наконец, что никто ей не поможет, кроме нее самой, со злостью прошипела Петти. Неожиданно ее посетили странные, но, возможно, спасительные мысли. Потрясение, вызванное смертельной опасностью, заставило ее отбросить обычную человеческую логику и мыслить категориями вселенского мас-

штаба. Ведь, как известно, природный инстинкт выживания это нечто большее, чем искусство приживания «под колпаком» искусственной техносферы, созданной по прихоти homo sapiens. Выдуманный Бог, опекающий человеческий зверинец не способен помочь своим невежественным ограниченным творцам. И его творческие планы никак не распространяются на процессы, протекающие в природе. Так как если бы это было так, то человек давно бы закопал топор войны и не пытался бы противостоять природе. Своей природе, истинной природе и своей Матери, вскормившей неблагодарных чад своим молоком.

«Спасется лишь тот, кто навсегда забудет о том, о чем человек всегда пытается помнить и прислушается к своему главному инстинкту!» – восстали в мозгу Петти миллионы нейронов и, сгенерировав мощнейший заряд, смели со своего пути бетонную заперуду заостеневшего сознания. Спасительное обновление сознания привело к значительной трансформации внешнего вида Петти Чарли. Инстинкт самосохранения придал новую форму ее физической оболочке, полностью соответствующий окружающей обстановке. Петти Чарли превратилась в мелкую красноухую черепашку, закованную в костяной оливковый карапакс. Еще не осознавая, кем она стала, Петти по инерции выскользнула из модной средневековой темницы, и лихорадочно работая перепончатыми лапками, устремилась вверх, сквозь мутную толщу океанской воды. Подъем из глубины показался ей бесконечным. Но при этом, она с удовлетворением обнаружила, что может вполне сносно дышать под водой. Когда вода посветлела, и до поверхности осталось совсем немного, Петти решила посмотреть вниз и убедиться в том, что совсем недавно она побывала в настоящей Бездне. Но излишнее любопытство не принесло ей желанного успокоения. На дне океана, словно в гигантском зеркале она увидела отражение глаз Титана, смотрящего на нее из глубин космоса. В его нечеловеческом взгляде Петти уловила нечто большее, чем мысли о Жизни и Смерти. Это был бесстрастный и невыносимо величественный взгляд Судьи, живущего в каждой частице макровселенной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.